

ВИКТОР РОЗОВ

Перед
ужином

Комедия в двух действиях

Ник
Анн
Гри
Ива
Илл
Мар

Коме
по п

В ко
в ру
став
вилк

И
я и
ста.
У п
пол
наш
дов
пла
муз
Гор
лее
ме-
слу
ста
ний
Игс
ним
ном
сед
тор
пол
пит
фор
важ
мы
ром
дша
го
соб
ма
Гри
лет
рас

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николай Федорович Неделин, 53 лет.
Анна Ивановна — его жена, 49 лет.
Гриша — их сын, 26 лет.
Иван — их сын, 14 лет.
Илларион Николаевич Егоров, 52 лет.
Мария Ивановна — его жена, 47 лет.

Верочка Голубева, 25 лет.
Валерьян — ее муж, 27 лет.
Эмма Константиновна — мачеха Верочки,
39 лет.
Иринка Пескова, 14 лет.
Серегин Михаил Полуэктович, 55 лет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в квартире Неделиных. По расставленным по полу чемоданам, брошенным на стулья сверткам видно, что кто-то недавно приехал.

В комнате один Иван. Он стоит с магнитофоном в руках посреди комнаты, еще не зная, куда его поставить. Наконец находит место, ставит, втыкает вилку в сеть, открывает крышку, нажимает кнопку, подносит микрофон ко рту.

Иван. Алло, алло! Начинаю запись. Вот я и дома. Сегодня тридцать первое августа. Мы только что вернулись из Москвы. У папы было совещание, и, кроме того, он получил назначение главного инженера нашего комбината, мама покупала оборудование для своей поликлиники, а я был в планетарии, зоопарке, Политехническом музее, Парке культуры и отдыха имени Горького, Музее Ленина, в Кремле, Мавзолее, смотрел матч Венгрия — СССР, в Доме-музее Льва Толстого в Хамовниках, слушал концерт Рихтера, осмотрел все станции метро, был на Выставке достижений народного хозяйства, видел живого Игоря Ильинского — мы с мамой шли за ним два квартала, поднимался на скоростном лифте в Университете на двадцать седьмой этаж, ходил девять раз в кино, ел торт из мороженого... Если еще что припомню — запишу вечером. Мне хотели купить новое пальто, но я умолил магнитофон. Я теперь буду записывать все самое важное в моей жизни, свои интересные мысли, знакомых и музыку. Сегодня вечером запишу наш традиционный сбор. Тридцать первого августа, перед началом нового учебного года, мы вот уже третий год собираемся большой компанией. Это идея мамы. Так же собирались раньше, когда Гриша учился в школе. Мне четырнадцать лет. Говорят, я развит старше своего возраста. Возможно. Во всяком случае, люб-

лю наблюдать жизнь и делать выводы. Жизнь очень проста, и я удивляюсь, как другие люди любят ее запутывать, особенно взрослые.

Входит Гриша, берет чемодан, чтобы унести его в другую комнату.

Гриша, скажи что-нибудь. (Протянул брату микрофон.)

Гриша. Успеется. (Унес чемодан.)

Входит Мария Ивановна, она несет блюдо с пирожками, ставит его на стол.

Иван. Тетя Маня, идите, я вас запишу на магнитофон.

Мария Ивановна. Ну уж... погоди...
Поехал бы в лагерь или деревню — загорел бы... А то что Москва — одна худоба...
(Взяла со стула сверток, ушла.)

Входит Анна Ивановна.

Иван. Мама, скажи пару слов...

Анна Ивановна. Ты бы подождал со своей игрушкой, Иван, лучше бы помог к вечеру все наладить. Возьми конфеты, печенье, торт... (Взяла свертки, ушла.)

Иван (в микрофон). Домашняя карусель завертелась. До свидания. (Выключил магнитофон, взял конфеты, печенье, ставит на стол.)

Снова входит Гриша.

Гриша. Понравилась Москва? (Идет к окну, смотрит во двор.)

Иван. Потрясающе.

Гриша (глядя в окно). Не то что у нас?

Иван. Не то. Но у нас мне больше нравится.

Вошла Анна Ивановна. Подошла к Грише, тоже смотрит в окно. Погладила сына по голове.

Гриша. Иван говорит, наш город лучше Москвы.

Анна Ивановна. Очень его понимаю — дом! Двадцать девять лет тому назад здесь был только лес да два барака, и то мне казалось — лучше нет места на земле. (*Обняла сына*.) Вон в колясочке еще новый жилец появился, чей это?

Гриша. Верочка вернулась.

Анна Ивановна. Какая Верочка?
Гриша. Голубева.

Анна Ивановна. Давно?

Гриша. Недели две.

Анна Ивановна. С Валерьяном?

Гриша. Нет. Одна.

Анна Ивановна. Одна? Почему?

Гриша (*уклончиво*). Я не знаю. Кажется, поссорились.

Анна Ивановна. Всерьез?

Гриша. Не знаю.

Анна Ивановна. А как ее приняли здесь, дома?

Гриша. Сдержанно.

Анна Ивановна. Господи, такая счастливая пара... Всего два года прошло...

Гриша. Почти три.

Анна Ивановна. Ты видел ее?

Гриша. Да. Я ей дипломную отдал перепечатывать... Она учится на машинке...

Анна Ивановна. Лучше бы профессиональной машинистке.

Гриша. Ничего, пусть потренируется. У меня тоже начерно.

Анна Ивановна. Что она говорит?

Гриша. Переживает.

Входит Мария Ивановна.

Мария Ивановна. Ванечку-то ты там не кормила, что ли... И зачем взяли!.. Похудал.

Анна Ивановна. Маня, это тебе. (*Разворачивает один из свертков, отдает сестре домашние туфли яркой расцветки.*) Теплые.

Мария Ивановна. Спасибо, Анютка.

Иван (*перевесившись за окно, кричит*). Иринка! Иринка!

Голос Иринки. Иван, наконец-то!

Иван. Иди к нам, помогай.

Входит Николай Федорович.

Николай Федорович. Маня, а Иллариона почему нет, вроде бы пора?

Мария Ивановна. Чего-то у него не-

ладно на работе... огорчен... все куда-то ходит... хлопочет...

Николай Федорович. А что?

Мария Ивановна. Не говорит... Тебя, Коля, ждал... Видать, совета спросит... Плохо что-то... (*Ушла*.)

Николай Федорович (*Грише*). Ты не знаешь, в чем дело?

Гриша. Он ничего не говорил. Ходит мрачный.

Николай Федорович. Я на тридцать минут. (*Ушел*.)

Анна Ивановна (*Грише*). А ты часто видишь Верочку?

Гриша. Нет, редко. Иван, тебе из Парижа от твоего корреспондента письмо было.

Иван. Где оно?

Гриша. У меня в столе, в левом ящике, сверху...

Иван пошел.

(*Ему вдогонку*.) Только не ройся!..

Иван ушел.

Анна Ивановна. А Валерьян у нее здесь не бывал?

Гриша. По-моему, нет.

Анна Ивановна. Такая чудесная пара была... и вот — на тебе!.. Как же она с ребенком, одна?!

Гриша молчит.

Ну ничего, может быть, еще помирятся, уладится.

Гриша. Конечно... возможно... Этот ящик куда отнести?

Анна Ивановна. Пока в прихожую. Здесь аппаратура. Завтра на нашей санитарной отвезу.

Мария Ивановна (*которая в это время вошла*). Давай, Гришенька, помогу.

Гриша. Ничего, я сам. (*Унес ящик*.)

Анна Ивановна. Какие еще здесь новости, Маня?

Мария Ивановна. Никаких. Все течет, все не меняется... По мелочам разве, а в общем — одно и то же...

Анна Ивановна. Гриша все диплом готовил?

Мария Ивановна. Так его жалко, так жалко... Сидит, сидит...

Анна Ивановна. И даже по вечерам никуда не ходил?

Мария Ивановна. И ночи-то, ночи напролет... Палкой не выгонишь... Света

божьего не видит... Совсем наглухо захлопнулся... Молчит... И учит, учит... Боюсь, не сдурусь бы... Так мне и кажется: сделается он через это дурачком или уж сразу академиком...

Входит Иринка Пескова, девочка четырнадцати лет.

Иринка. Здравствуйте, Анна Ивановна! С приездом! Здравствуйте, Мария Ивановна!

Анна Ивановна. Здравствуй, Иринка! Спасибо.

Мария Ивановна. Здравствуй, Ирочка!

Иринка. Иван меня звал.

Анна Ивановна (зовет). Ваня! К тебе Иринка пришла.

Голос Ивана. Иду.

Прешел в свою комнату Гриша, поздоровавшись с Иринкой. Женщины ушли. Входит Иван. В руках у него письмо, которое он, видимо, читал.

Иван. Привет!

Иринка. Здравствуй, Вторник!

Иван. Ого! Тебя вроде на полметра вытянуло.

Иринка. Я три смены в лагерях была: сначала от папиной работы, потом от маминой, потом от дедушкиной.

Иван. От бабушкиной не успела?

Смеются.

Иринка. Ты что в обрез приехал? Думали, опоздаешь.

Иван. Рассчитал. Ты всех оповестила?

Иринка. Конечно.

Иван. Это тебе. (Передает Иринке коробку карандашей, альбом.) Карандаши чешские, альбом московский.

Иринка. Спасибо.

Иван (показал на магнитофон). Видала?

Иринка. Что это?

Иван. Сейчас узнаешь. (Открыл крышку, пустил ленту.) Ну-ка, каркни.

Иринка. Кар-р!

Иван (смеется). Нет! Скажи что-нибудь умное — зафиксирую навеки.

Иринка. Что — умное?

Иван. Что-нибудь. Да не тяни за хвост — лента идет.

Иринка. Я не знаю...

Иван. Ну говори глупое, только побыстрее.

Иринка. А что — глупое?

Иван. Что угодно.

Иринка. Все-таки?

Иван. Ох ты, господи! Ну что-нибудь, что-нибудь! Изреки!

Иринка. Ну что, что, что?!

Иван. Есть у тебя какие-нибудь мысли?

Иринка. Нет.

Иван. Никаких?

Иринка. Никаких.

Иван. Так и говори: «У меня в голове нет никаких мыслей».

Иринка (в микрофон). Иван Неделин дурачок.

Иван (остановил ленту). Поздравляю! Осчастливила человечество! (Перематывает ленту.) Да, когда техника попадает в руки негодяев, она творит только пакости. Слушай. (Воспроизводит записанный разговор.) Как?

Иринка. Замечательно! Только ты лучше изорви. Я скажу что-нибудь другое.

Иван. Умное?

Иринка. Да.

Иван. Знаю я это умное — врать будешь... Без подготовки лучше — так сказать, в естественном виде. Я его временно здесь поставил, в нашей комнате розетки нет. Я знаешь что придумал? Поставлю розетку, длинный шнур приделаю, магнитофон у нас в комнате поставлю, а микрофон сюда выведу, запишу весь вечер. Ленту сохраню, а лет через десять соберемся все и прокрутим. Пусть свои мысли послушают. И узнаем, кто трепач, а кто стоящий. А? Как?

Иринка. А можно так делать, чтобы тайком любой разговор записывать?

Иван. Конечно. Подлинней шнур и в любую комнату микрофон...

Иринка. Жуть!

Иван. Еще бы!

Иринка. А интересно.

Иван. Главное — гадость какая потрясающая! Это «Язу» — новая модель.

Иринка. А от кого тебе письмо?

Иван (вертит конверт в руке). От одного француза. Леон зовут. Мой ровесник.

Иринка. Тоже школьник?

Иван. Да, только капиталист. Его отец станкостроительный завод имеет.

Иринка. А как ты с ним познакомился?

Иван. Когда папа был во Франции, их делегация посетила этот завод... Ну, слово за слово, отец сказал, что у него есть сын,

который всерьез изучает французский язык — это он, конечно, слегка преувеличил, родители вообще любят хвастаться своими детьми, ты замечала?..

Иринка. Да-да! Меня маленькой все стихи читать заставляли... А теперь, как придут знакомые, мама первым делом: «Вы знаете, наша Ирочка опять на круглые пятерки закончила, отличница! Я вам сейчас табель покажу! Такая умница!» Я, знаешь, сижу и думаю, уж не заработать ли как-нибудь пару двоек, для перемены разговора!..

Иван. А что, знаешь, можно попробовать — интересно, как они реагнут. Ну вот... а Леон в это время рядом со своим отцом был, ну и попросил моего папу, не может ли он разрешить ему переписываться с его сыном — со мной то есть. Папа ответил: «Пожалуйста!» И дал адрес...

Иринка. А что он пишет?
Иван. Я только начал читать. (Развернутое письмо, читает.) «Друг Иван! Рад был твоему письму, в котором ты сделал всего только девять ошибок...»

Иринка (ахнув). Девять!
Иван. Ну ладно, ладно! Не делай свято го лица — ненавижу святые лица! Успокойся, в первом письме у меня четырнадцать было... Я сам его просил: прежде всего пиши, сколько я сделал ошибок.

Иринка. Но ты бы попросил Софию Эдуардовну, она бы продиктовала.

Иван. Вот ты и пиши под диктовку учительницы. А я лучше ошибки сделаю, зато сам... и выучусь.

Иринка. Но через твои ошибки, через тебя все советские дети выглядят как-то некрасиво.

Иван. Ты — сталинистка, вот кто ты.
Иринка. Но это политика, пойми...
Иван. Знаешь, когда такие, как ты, полезут в политику — ой-ёй-ёй что будет!

Входит Илларион Николаевич.

Илларион Николаевич. А!.. Приветили!

Иван. Здравствуйте, дядя Лара.
Илларион Николаевич (здоровается за руку с Иринкой). Сначала с барышней!

Иринка (робко). Здравствуйте.
Илларион Николаевич (здравствует с Иваном). А отец где?

Иван. Вышел куда-то.

Илларион Николаевич. Надолго?
Иван. Сказал — на тридцать минут.
Илларион Николаевич. Ага!

Он пошел было к себе, но в это время вышла Мария Ивановна.

Мария Ивановна. Ну как там у тебя, Ларочка? Ну?

Илларион Николаевич. Распрекрасно!..

Иван. Дядя Лара, мне магнитофон купили.

Илларион Николаевич. Что это за хреновина?

Иван. Звук записывает. Хотите, я ваш голос запишу, а потом вы послушаете?

Илларион Николаевич. Не хочу — я нынче не в голосе. (Увидел на жене новые домашние туфли.) Откуда это у тебя?

Мария Ивановна. Анюта из Москвы привезла... подарок...

Илларион Николаевич. Да... Веселенькие... (Ушел на свою половину.)

Мария Ивановна прошла за ним. Входит Верочка.

Верочка. Здравствуй, Ваня.
Иван (смотрит на Верочку несколько растерянным взглядом). Здравствуйте, Верочка.

Верочка. Можешь по-прежнему мне говорить «здравствуй».

Иван. Так уж вы совсем большая стали...

Верочка. Гриша дома?
Иван. Дома.

Верочка. Позови его.

Иван. Сейчас. (Ушел.)
Верочка (подошла к окну, смотрит во двор). Иринка, ты пока не покараулишь Сашеньку? Проснется — покатай ее.

Иринка уходит.

(Вслед.) Если расплачется, крикни.

Входят Гриша, Анна Ивановна, Иван.

С приездом, Анна Ивановна!

Анна Ивановна. Спасибо, Верочка. Здравствуй. (Подходит и целует Верочку.)

Верочка. Меня тоже можно с приездом поздравить... (Готова заплакать.)

Анна Ивановна. Ну, ну, ну, ну...

Верочка сдерживается.

Иван. А где Иринка?

Верочка. Во дворе, я ее попросила Сашеньку покарауить.

Небольшая пауза.

(Грише.) Пятьдесят страниц принесла. (Протягивает Грише машинописные листы рукописи.)

Гриша (подходит, берет). Спасибо. (Отошел к окну, рассматривает страницы.)

Анна Ивановна. Может быть, тебе сейчас деньги нужны, Верочка?

Верочка (совсем смущившись). Да... если можно.

Анна Ивановна. Конечно, конечно. (Берет сумку.) Сколько?

Верочка. Я не знаю... Нет... не надо!

Анна Ивановна. Я тебе пока десять рублей дам. Хватит?

Верочка. Не надо, не надо.

Гриша. Брось ты, в самом деле! Мы же с тобой договорились.

Верочка (берет деньги). Спасибо... Сашутка только-только ходить начала, а уж ботиночки сносила... Да и растет как!.. Хочется ей синенькие купить, вчера видела... Ну до чего все дорого, Анна Ивановна!.. Я как-то раньше не замечала... Ботиночки — два восемьдесят, платьице — шесть тридцать, вы представляете, лифчик...

Анна Ивановна. Значит, дома тебя не очень... встретили?

Верочка. Нет, почему же... Папино положение трудное... Эмма Константиновна ко мне хорошо относится...

Анна Ивановна. Догадываюсь, догадываюсь...

Верочка. Но с ним... Там... совсем не могу!..

Пауза.

А как у вас хорошо!.. Как раньше!.. Как тогда!.. Помните, Анна Ивановна, мы после выпускного вечера все к вам пришли... Это было давно, давно, давно!.. Шумели, плясали, хохотали... Я из этого красивого сервиса чашку разбила... И вы не ругали... Так и стоят пять... Какие мы были счастливые, самоуверенные, эгоистичные. Мне все вокруг казалось — мое! И ваша квартира — моя!.. И эта люстра — моя!.. И вы — моя!.. И весь мир — мой... А теперь я знаю, что мое, а что чужое... И эта квартира уже не моя.

Иван. Берите — уступаю.

Верочка. У тебя, Ваня, тоже еще нет ничего своего. Все чужое... и все твое... Верно?

Иван. Нет. Я так не считаю.

Верочка. Вырастешь — узнаешь.

Иван. Я постараюсь не вырастать.

Верочка (Грише). Ну как?

Гриша. Три с плюсом.

Анна Ивановна. А институт ты тоже оставила?

Верочка. Конечно. Завтра первое сентября. Я бы начала четвертый курс...

Анна Ивановна. Верочка, но были ли основания?

Верочка. Да, да, да!!!

Анна Ивановна. Я не хочу тебя ни о чем спрашивать...

Верочка. И спрашивать нечего, самая банальная, самая пошлая история: я вошла в комнату... и увидела его с другой...

Анна Ивановна. Вы поговорили?

Верочка. Нет... И не хочу. Сегодня он прислал телеграмму — явится. А зачем? Начнется глупый разговор... Честное слово, куда-нибудь сбежала бы, да некуда... Ну ничего, вытерплю... (Грише.) Конечно, и к тебе заглянет, еще пожалуется на меня... Или попросит поговорить со мной, уломать...

Анна Ивановна. Но, может быть, это просто ревность, Верочка?

Верочка. Возможно.

Анна Ивановна. А это опасное, плохое чувство.

Верочка. Нет-нет, хорошее. Оно не позволяет человеку быть подлецом.

Анна Ивановна. Верочка...

Верочка. Знаю, знаю!.. «Мало ли что может быть...».. «Перемелется — мука будет...».. «Битая посуда два века живет...».. Не могу!.. Умом понимаю — и для Сашутки легче, и я бы себе учились и училась... И Эмма Константиновна расцеловала бы меня, и пapa не страдал бы так отчаянно — кругом выгоды! И не могу! Знаю, что тысячи женщин живут с мужьями, которые им изменяют или даже не любят, но всегда считала и считаю это гадостью! Эмма Константиновна мне сказала: надо быть реалисткой! А я не могу!.. Она говорит: я избалованная. Да, да... Это верно, верно!.. Избалованная!.. В этом, видно, вся и беда... Я не умею жить так, как надо. Так, как человек должен жить... Меня несет какой-то поток... Я как чувствую, так

и живу... Гриша, ты всегда был самый уравновешенный, самый рассудительный. Ты живешь именно так, как надо, как сам себе приказал, скажи: можно жить по правилам?

Иван. Можно и должно. Только так!

Анна Ивановна. Может быть, это не всегда приятно, Верочка, но бывает необходимо.

Верочка (*Грише*). Что молчишь? Можешь подчинять себе чувства?

Гриша. Думаю, можно. Но я не уверен, надо ли это делать. Во всяком случае, в каких ситуациях. По-моему, разум человека должен помогать жить чувствам, а не подавлять их, не убивать. Жить — это прежде всего чувствовать.

Верочка (*полусмеясь*). Так ты меня оправдываешь?

Гриша. Нашла судью!

Анна Ивановна (*Грише*). Я думала, ты размышляешь только над вопросами истории. Мания сказала, ты все занимался, занимался...

Гриша. А для меня история, мама, — это не только смена формаций, цепь войн, изобретений, а развитие человека в его общественных, нравственных, духовных началах.

Верочка. Конечно, я была единственная дочка... Мама с папой луну доставали, если просила. Рассла по принципу: «все дай» и «все на»... А вчера Эмма Константиновна ушла и холодильник заперла... Сказала, случайно... А сегодня опять — случайно... Лучше бы так было в начале жизни, казалось бы, так и надо... А сейчас — дико!

Иван. Вы поешьте у нас пирожков. Можно, мама?

Анна Ивановна. Да-да! Верочка, садитесь, я вас напою чаем.

Верочка (*смеется*). Спасибо, спасибо, я уже обедала в столовой.

Анна Ивановна. Ну, приходите вечером ужинать.

Голос Иринки. Верочка!

Верочка. Сашенька проснулась. (*Подбежала к окну*.) Так и есть! (*Кричит в окно*.) Иду!

Иван подбежал к столу, схватил горсть пирожков.

Гриша, к вечеру я еще страниц тридцать сделаю, принесу...

Иван (*сует пирожки в руки Вере*). Возьмите.

Верочка, взяв пирожки, убегает. Небольшая пауза.

Григорий прошел к себе, оставил рукопись на столе. Иван подошел к магнитофону, пущил ленту, говорит в микрофон.

Гриша сказал, что история — это... Забыл!.. Ну, в общем... самое главное, чтобы человек был хорошим... (*Выключил магнитофон*.)

Анна Ивановна. Если магнитофон будет стоять здесь, ты всем будешь мешать, Ваня.

Иван. Дай мне, пожалуйста, два рубля — я пойду куплю розетку и удлинитель.

Анна Ивановна (*отдавая сыну деньги*). На.

Иван ушел. Анна Ивановна подошла к столу, посмотрела в рукопись, читает. Входит Гриша, он принес книги.

Гриша. Чем-нибудь еще помочь, мама?

Анна Ивановна. По-моему, все на месте. К сожалению, она очень скверно печатает... Буквы пляшут, частые пропуски.

Гриша (*взял книгу, раскрыл, что-то сверяет в рукописи*). Выучится со временем.

Анна Ивановна. Смотри, будь осторожен, Гриша.

Гриша. Ты меня считаешь глупым, мама?

Анна Ивановна. Безусловно, нет.

Гриша. Тогда незачем беспокоиться. (*Ушел*.)

Возвращается Николай Федорович. В руках у него бутылка вина, свертки.

Николай Федорович. Мы хоть и не совсем маленькие, но тоже отметим сегодняшний день. Как-никак я главный. (*Зовет*) Маша!

Входит Мария Ивановна.

Принимай съедобное. У Ани возьми и московские сладости. Будет пир!

Мария Ивановна взяла свертки, ушла.

Анна Ивановна. Ты знаешь, Николай, я очень тревожусь за Гришу.

Николай Федорович. Чепуха! Он прекрасно защитит, увидишь.

Анна Ивановна. Не сомневаюсь.

Николай Федорович. Тогда о чем же?

Анна Ивановна. Верочка Голубева вернулась.

Николай Федорович. И какая связь?

Анна Ивановна. С ребенком. Помсарила с Валерьяном.

Николай Федорович. Так-так... Но при чем наш Григорий?

Анна Ивановна. Он любит ее давно.

Николай Федорович. Да что ты! А на вид такой тихий! Он тебе сам рассказывал?

Анна Ивановна. У меня есть глаза.

Николай Федорович. У меня тоже, однако я ничего не замечал. Ах ты черт — все знаю...

Анна Ивановна. У тебя этих глаз нет, Коля, они бывают только у матерей... у женщин.

Николай Федорович. Да?

Анна Ивановна. Я боюсь, как бы Гриша не сделал отчаянной глупости.

Николай Федорович. Что ты! Он парень умный, чистый...

Анна Ивановна. Вот именно потому, что чистый, я и беспокоюсь. Грязные люди не гибнут, гибнут чистые. Будь он циник, ловелас, бабник...

Николай Федорович. Таким, каков есть, он мне больше нравится.

Анна Ивановна. Мне тоже. Но я не думаю, что ему требуется в жены женщина с ребенком.

Николай Федорович. Ах, ты вот о чем? Да. Но почему ты так решила? Он в этом отношении вообще... не бойкий.

Анна Ивановна. Потому что однолюб. А это несчастье для человека.

Николай Федорович. Ну, что же, если нужна моя помощь — пожалуйста, я к твоим услугам... Только в чем она может выразиться реально — не представляю.

Анна Ивановна. Ох вы, папы, папы! Входят Илларион Николаевич и Мария Ивановна.

Ты дома, оказывается! Здравствуй.

Илларион Николаевич. Обедал. С приездом. (Здороваются с Анной Ивановной и Николаем Федоровичем.) Поздравляю с назначением. Утвердили, значит?

Николай Федорович. Утвердили.

Илларион Николаевич. Ценят. А совещание как прошло?

Николай Федорович. По-моему, больше всего пользы было Ванюшке —

Москву посмотрел. Хвастаться многие любят. До сих пор.

Илларион Николаевич. Традиция. Николай Федорович. Дорогая очень.

Илларион Николаевич. Зато любезная сердцу.

Анна Ивановна (подает Иллариону Николаевичу сверток). Московский подарок от меня и Николая.

Илларион Николаевич (разворачивая). Рубашка, что ли? (Развернул, там портфель.) В самый раз!.. Лучше не сочишишь. Именно теперь он мне позарез и необходим!.. Я в него банку с червями класть буду, мотыля, пол-литра и закусь...

Николай Федорович. Чего ты, Илларион?

Илларион Николаевич. Все!.. Коленочком, брат, под ...позвонок. Отлюбили-отжаловали!.. Новые времена!.. Комедия такая была с комиком Чарли Чаплином. Помнишь? Животики надорвешь! Так вот у нас тоже, только без него!..

Николай Федорович. Подожди, подожди!..

Илларион Николаевич. На пенсию выхожу!..

Николай Федорович. Ну, до пенсии тебе еще пыхтеть и пыхтеть.

Илларион Николаевич. А я инвалидом прикинулся. Контузия была? Была! Выдам психа — живо комиссуют.

Николай Федорович. Опять какое-нибудь колено выкинул?

Илларион Николаевич. Кабы!.. Последнее время я вообще старался даже не икать. Все улыбался!.. Теперь ведь улыбаться надо, да?..

Николай Федорович. Ты объясни толком.

Илларион Николаевич. Нет уж, лучше ты мне этот толк растолкуй.

Анна Ивановна. В чем все-таки дело, Лара?

Илларион Николаевич. А!.. Чепуха! Формальный предлог. У них на меня давно косой глаз... Четыре некачественные машины прозевал... И пошли раздувать кадило!..

Николай Федорович. Понимаю.

Илларион Николаевич. Ничего ты не понимаешь! Черта мне нужны эти сто шесть процентов со всеми их премиальными! Меня ведь Селезов на это подбил...

Вызывает и говорит: «Давай, Илларион... Сам понимаешь, недодадим — склопочем по загривку...» Я ему говорю: «Пал Палыч, не те времена, неловко вроде... нельзя!» А он — мне: «Те! Те же,— говорит,— только тише делать надо, тоньше». И ведь всего четыре пропустил... Ему — выговор, мне — с горы под гору. Сменным предлагают. Это мне — сменным!.. Да еще мораль читают! И кто?.. Лебедев!!! Я с этим Лебедевым раньше и разговаривать-то не желал... Так, разве что через губу... А!.. Он и тогда противный был: все, бывало, молчал... и, надо сказать, как-то неодобрительно молчал... А теперь его слушают, за умного считают... Говорят: принципиальный, собственное суждение имеет!.. Собственное! А?.. Ты имей партийное суждение... Собственного то твоего никто отродясь и не спрашивал!.. Разве что жена — щи, мол, тебе сегодня варить или лапшу?.. Не зря тогда этого Лебедева за хвост держали, чтоб не лез!

Николай Федорович. Ну, ты помнишь, меня тоже в свое время не очень жаловали.

Илларион Николаевич. Тебя за ученость. Ты тогда переучился малость — вот тебя и осадили слегка... Зато уж сейчас... Того и гляди, «Чайку» специально пишут... А я буду об инвалидной каталке хлопотать!.. И все тебя учат, все тебе ты-чут!.. А у меня, брат, тоже самолюбие! Да поноровистее, чем у твоего Лебедева, будет!..

Николай Федорович. Ты погоди, Лара, обижаться...

Илларион Николаевич. А почему я должен годить? Обижен я! Точно: обижен!.. Как, понимаешь, в этой чашибе лес валить, пни выворачивать, котлованы вручную рыть — без всяких там шагающих и ковыряющихся, — так, пожалуйста, рой-копай, Илларион Егоров! Спасибо тебе! Орден тебе! А когда коммунизм на носу, так тебе, Илларион, по носу! А кто я? Сын самого разбедняка и сам бедняк!

Николай Федорович. Нет, это не хорошо, Илларион.

Илларион Николаевич. Что — не хорошо?

Николай Федорович. Ты на свою бедность весь лимит давным-давно выбрасывал... И ты и я...

Илларион Николаевич. То есть?

Николай Федорович. А помнишь:

учиться нас посылали — в первую очередь, стипендию давали — в первую очередь, на работу — в первую очередь, в партию — в первую...

Илларион Николаевич. Ну и что?

Николай Федорович. А теперь совсем не то время, Ларка. Сейчас у всех один общегражданский паспорт. Со всех спрос один — умея свое дело делать. Умно и честно! Это твоя главная визитная карточка. Так тебе сменным предложили?

Илларион Николаевич. Они бы меня еще складским сторожем определили. Я тебе сказал: на пенсию вылезу! Рыбу ловить, кляузы писать, философию разводить, на лавочке сидеть, солнышком припекаться — сольюсь с природой, растворюсь в первозданье! Блаженство!

«Осень наступила,
Высохли цветы,
И глядят уныло
Желтые цветы!..»

Тьфу!! Вот чего ненавижу, так это стихи. Их, наверное, только сопляки пишут! Нормальный мужик такой ахинеей заниматься не будет!

Николай Федорович. Водки хочешь?

Илларион Николаевич. Пробовал. Не берет. Зря перегорает. Во мне самом сейчас девяносто восемь градусов!.. Уеду я!

Анна Ивановна. Куда?

Илларион Николаевич. Найду место.

Анна Ивановна. Зачем?

Илларион Николаевич. Серегин зовет.

Николай Федорович. Кто?!

Илларион Николаевич. Серегин, говорю.

Николай Федорович. Ты с ума-то не сходи, Ларка!

Илларион Николаевич. Почему это? Он говорит, его зазря в эту тмутаракань запрятали. По злобе.

Николай Федорович. Это неправда — ты сам знаешь.

Илларион Николаевич. Ничего я не знаю.

Николай Федорович. Знаешь. Страшный это зверь, Илларион, крупный и злой. Забыл, какие он беззакония творил?

Илларион Николаевич. Он говорит — не по своей воле... орудием был.

Николай Федорович. Врет, Лара! Почему же другие людьми оставались, а он орудием сделался? Да еще орудием, которое по своим бьет; оно самое страшное. Нет, Лара, он по чужим ребрышкам на верх залезал.

Илларион Николаевич. Издадут приказ — уеду, вот увидишь! (*Ушел.*)

Анна Ивановна. А что, Серегин разве в городе?

Николай Федорович. Очевидно. Выворачиваться приехал или свой особняк ликвидировать.

Анна Ивановна. Как бы он его действительно не сманил.

Николай Федорович. Чепуха! Блажит. (*Ушел.*)

Входит Гриша.

Гриша. Отдал рукопись — и как без рук.

Анна Ивановна. Хоть бы ты спортом увлекся — какое-то у тебя однобокое развитие.

Гриша. Действительно. (*Смотрит в окно.*) Вон мальчишки в футбол гоняют — запищусь к ним в команду.

Голос Иллариона Николаевича. Мария!

Мария Ивановна. Зашумел лес дремучий.

Анна Ивановна. Посиди здесь, пусть остынет.

Мария Ивановна. Пускай надо мной шумит — холостые пары выпускает. Ему легче, а мне что. (*Пошла. Обернулась, говорит Грише.*) Не ты науку съешь, а она — тебя, помяни мое слово. Уж если не физкультура, так влюбился бы в кого, мозги то бы и продувало... (*Ушла.*)

Гриша. Воспользуюсь советом тети Маши. Пойду Верочке диктовать — быстрей дело пойдет.

Анна Ивановна. А без матери не соскучился?

Гриша. Соскучился. (*Пошел к двери.*)

Анна Ивановна. Уходишь?

Гриша. Я на часок, к ужину вернусь.

Анна Ивановна. Внутренне уходишь...

Гриша молчит.

Ну, иди...

Гриша. Отпускаешь на веревочке.

Анна Ивановна. Куда там! Я никогда не навязывала тебе свою волю, свое ре-

шение, Гриша. Я только предлагала тебе на выбор. Выбор оставался за тобой. И ты всегда выбирал разумно.

Гриша. Я не хочу быть разумным, мама. Сейчас я хочу быть свободным от разума. Это нестерпимо: быть разумным, всегда разумным!.. Как будто тебя твой собственный разум поймал, держит, и ты обязан ему служить... В конце концов, к черту его!.. Ум дан человеку не затем, чтобы душить человека... Проклятый сторож, он мне надоел!

Анна Ивановна. Без этого сторожа человек превращается в животное, Гриша.

Гриша. Но ум служит человеку, а не человек — своему уму.

Анна Ивановна. А разве человек — это только его страсти?

Гриша. Не только. Но и страсти! И страсти, мама! Ведь и твой ум служит сейчас твоим страстям. Ты — мать, ты не хочешь, чтобы твой сын связал себя с женщиной, у которой ребенок... Твоя материнская страсть отдает приказы твоему уму, и он работает, работает, работает... В конце концов, разум — это только желудок, который переваривает пищу. Ту пищу, которую бросают ему чувства... А мои чувства, мама, диктуют мне: я должен поступить так. Именно так! Если я сейчас уступлю доводам твоего и даже моего рассудка — значит, на свете нет ничего святого... Значит, я эгоист, значит, я гомункул... И все слова, слова, слова!.. А нужны дела, дела, дела... (*Мечется по комнате.*) Удивительно! Иным людям разум приходит на помощь именно тогда, когда слова надо заменить делом, и он чудесно заменяет дело словами!.. Ура ему! Ай да разум! Делами движут чувства!

Анна Ивановна. Странно и смешно: ты, студент пятого курса, игнорируешь разум, рассудок, ум — высшее, что дано человеку, чем он отличается от животного.

Гриша. Не игнорирую, не отвергаю... Хотя в данную минуту мне, может быть, и хочется послать его ко всем чертям!.. Нет, я люблю мысль!.. Но не хочу быть рабом даже самой великой своей мысли... если таковая придет мне в голову... И курица по-своему мыслит... Человек отличается от животного не умом, а чем-то гораздо более значительным... что выше ума, чище его, что толкает человека на все самое высокое, самое человечное, когда и подумать-то не успеешь. Ты хочешь, чтобы мой ум обуздал

меня? А я не хочу!.. Я не хочу обуздывать себя, когда вопрос идет, допустим, о твоей, папиной, Ванькиной жизни, о призвании, о чести... или о чем другом, что делает человека человеком. Я ненавижу разум, который становится неразумным.

Анна Ивановна. Ты очень умен, Гриша, и я против твоего ума могу выставить только знание жизни, которого у тебя нет, и оно мне говорит: ты полетишь в пропасть.

Гриша. Ну и пусть! Даже прекрасно! Пусть! Лучше пропасть... До самого дна, до бесконечности! Нежели этот ежедневный пучок соломы, который я почему-то должен подбрасывать себе под бок на всякий случай...

Анна Ивановна. Да... Когда на тебя мчится самосвал, да еще за рулем захмелевший шофер, лучше всего бежать в сторону.

Гриша. Господи, мне уж и выпить нельзя!

Анна Ивановна. Есть много других девушек, Гриша.

Гриша. Расскажи, как ты выбирала отца? Ты знаешь, мама, у взрослых происходит какая-то поразительная аберрация памяти: собственная прожитая жизнь со временем им кажется совсем не такой, какой она была в действительности. Вот это аберрацию, этот мираж они и называют жизненным опытом.

Анна Ивановна (тихо, но четко). Но она не любит тебя, Гриша.

Очень большая пауза. Гриша остановился, потом медленно пошел к двери, опять остановился, видимо, передумал, пошел к окну, стоит спиной к матери. (Продолжает мягко.) А на какой месяц у тебя назначена защита диплома, уже известно?

Гриша. На декабрь.

Анна Ивановна. В наше время учиться было легче — даже дипломов фактически не защищали. Доучивались потом, на ходу, в практике...

Гриша. А почему ты так решила?

Анна Ивановна. Ты это и сам знаешь, Гриша. Я бы на твоем месте примиряла ее с Валерьяном. Видимо, там простое недоразумение... Она действительноросла избалованной, привередливой... Маленький семейный разлад — и она вспыхнула... Молодежь нетерпелива и наивна... Совместная жизнь — это в чем-то цепь взаимных уступок, без этого немыслимо...

С твоей стороны это будет умно и благородно... Ты же знаешь Валерьяна, разве он плохой? Нет же! (Подошла к сыну.) Согласись со мной, Гриша, нельзя жениться на человеке, который тебя не любит.

Гриша. Если этот человек Верочка — я могу, мама.

Звон разбиваемого стекла. Шум и крики во дворе. Вшел Илларион Николаевич.

Илларион Николаевич. Что там за заваруха?

Гриша (глядя в окно). Какой-то балбес окно высадил.

Вбегает всполошенный Иван, в руках у него покупки.

Анна Ивановна. Ты?

Иван. Я.

Анна Ивановна. Очень хорошо.

Иван. Мама, он шел на меня так точно, так прямо... Я не мог удержаться — дал!.. Но как!.. Весь двор ахнул!.. До пятого этажа!.. Если бы вы видели, вы бы сами обрадовались! Честное слово!

Вбегает Эмма Константиновна, за ней в дверях — Иринка. Иван хочет выскользнуть из комнаты.

Анна Ивановна. Иван, останься!

Эмма Константиновна. Пусть останется, пусть скажет! Молчишь?

Анна Ивановна. Он уже сказал, Эмма Константиновна.

Эмма Константиновна. Сам?

Анна Ивановна. Сам.

Эмма Константиновна. Да, они теперь наглые, бесстыжие. Ничего не стесняются... Ты думаешь, если ты сын Неделина, так тебе все можно? Если мы не знаменные, простые люди, так над нами можно издеваться!.. Вам, понимаете, квартиры, вам — машины, вам — зарплаты огромные, а нам — ничего! Нам можно и стекла бить...

Анна Ивановна. Эмма Константиновна...

Эмма Константиновна. Нет, вы, Анна Ивановна, подождите. Я вам прямо скажу и самому Николаю Федоровичу в глаза повторить могу: знаете, в народе как о детях всяких там профессоров и ответственных работников отзываются? Плесень растите, Анна Ивановна, плесень! Махровую и зеленую!.. Сегодня он мне

окно высадил, а завтра, помяните мое слово, ножом кого-нибудь пырнет. (*Ивану.*) Зарежешь, вот увидишь, зарежешь... Это я тебе лучше гадалки обещаю...

Анна Ивановна. Эмма Константиновна, пожалуйста, извините нас, мы, конечно, заплатим вам за стекло...

Эмма Константиновна. А мне вавших денег не надо, Анна Ивановна... Нам сейчас с Верочкой и малышкой хоть и трудно, но уж на стекло мы как-нибудь с Михаилом Михайловичем заработаем... Я к вам не пятьдесят копеек просить пришла, а предупредить... Мне даже обидно, что вы переводите такой важный вопрос в денежную перспективу... Неприятно, прямо скажу...

Илларион Николаевич. Что ты тут желчные пузыри пускаешь, Эмма? Высадил парень окошко — хорошего мало, но и кровь пить из людей стаканами тоже нечего...

Эмма Константиновна. А вас, Илларион Николаевич, не зря с работы сняли!

Илларион Николаевич. Ну еще, положим, не сняли...

Эмма Константиновна. Сняли! Я сейчас Лизочку Щепкину встретила, она приказ перепечатывала. Не тот стиль у вас с людьми, не тот... Теперь не старые времена, теперь орать ни на кого не позвалено... А государство обманывать тоже в последнее время не рекомендуется... Да!

Илларион Николаевич молча ушел к себе.

Анна Ивановна. Я еще раз прошу у вас прощения, Эмма Константиновна.

Эмма Константиновна. А мне вавшего прощения совсем не надо, Анна Ивановна, я из него шить ничего не собираюсь...

Анна Ивановна. Так что же вам нужно, я, право, теряюсь.

Эмма Константиновна. А вы не теряйтесь, Анна Ивановна, вы доктор — вам теряться совсем не положено, а то вы будете делать больному операцию — растеряетесь.

Гриша. Эмма Константиновна...

Эмма Константиновна. А вы, молодой человек, поучились бы вежливости. Когда старшие разговаривают...

Иван. Что я должен сделать, Эмма Константиновна?

Эмма Константиновна (*торжествующе, радостно*). Ничего! Было бы хоро-

шо, если бы ты со школьной скамьи помнил, что стекло — это не просто прозрачный предмет, который можно бить вдребезги, когда тебе вздумается, а прежде всего — труд! Труд рабочих, которые в горячем цеху день и ночь выдувают его...

Пауза. Она не знает, как «выдувают» стекло, и никто не приходит ей на помощь.

(*Посмотрела на часы.*) Я бы поговорила с тобой, но мы с Михаилом Михайловичем в театр опаздываем. Какую-то новую пьесу показывают, дрянь, наверное, но надо быть в курсе. Мало сейчас советские драматурги пишут хороших пьес, мало! В большом долгу они перед народом! (*Пошла, но остановилась.*) Денег не надо, Анна Ивановна, лучше всего вставьте стекло. И хорошо бы сегодня, если это вам не трудно. Выбито в спальне, а у Михаила Михайловича кашель. (*Ушла.*)

Гриша. Учись, Иван. Учись любить и ненавидеть. Пойду поищу стекольщика.

Анна Ивановна. Может быть, сходит Иван?

Гриша. Мне все равно делать нечего. (*Ушел.*)

Ушла Анна Ивановна. Иван и Иринка одни.

Иван (*включил магнитофон*). Один удар по мячу, а влетело мне, маме, Грише, дяде Ларе и всем советским драматургам. Да... Дела на земле много. (*Остановил ленту.*) Ты знаешь, стоит мне не выучить урока, как учительница язвит: «Твой папа такой известный человек в городе, а ты...» Помчусь за автобусом, чтоб в школу не опоздать,— слышу вслед: «Смотрите, смотрите, сын Неделина, как ошпаренный, мчится, ох, и вырастет из него тип!» Кругом только и слышу: «Ох, и вырастет из него», «Ох, он еще покажет себя!..» И сейчас — слыхала? Мне так и кажется, что все только и ждут, когда я себя покажу. Я даже так думаю: может быть, мне заранее что-нибудь сделать — ограбить, зарезать, поджечь? Совершить — и не муиться! Может, и зарезать именно Эмму Константиновну. А что? Идея!.. Бедная Верочка!..

Иринка. Слушай, Среда...

Иван. Я тебе говорил, можешь звать Понедельник, Вторник, Четверг... А среда, пятница, суббота — слова бабского рода, откликаться не буду...

Иринка. Ладно, ладно! Слушай, Четверг, мы, девчонки, в этом отношении умнее вас — мы делаем вид, что понимаем, раскаиваемся, строим постные рожи, а на самом деле внутри себя думаем: плевали мы на вас на всех! Так и ты.

Торопливо входит Мария Ивановна.

Мария Ивановна (зовет сестру).
Аня! Аньютка!

Входят Анна Ивановна и Николай Федорович.

Мой-то там не совсем в себе — бушует... Чемоданы вытащил, вещи в них запихивает... Коленъка, устроил бы ты его на свой комбинат... Ты теперь там почти что самый главный, похлопочи...

Входит Илларион Николаевич.

Илларион Николаевич (жене).
Что ушла? Помогай собираться.

Мария Ивановна. Да не блажи ты, Ларочка.

Илларион Николаевич. Идем, говорю.

Николай Федорович. Давай я действительно, Илларион, за тебя похлопочу — к нам на комбинат попытаюсь...

Илларион Николаевич. Кем?

Николай Федорович. Ну так, сразу, я еще не знаю...

Илларион Николаевич. А я тебе сразу скажу: вместо Васильева определите — дам согласие... Ниже — кукиш вам с изюмом!..

Николай Федорович. А Васильевато куда же?

Илларион Николаевич. Передвивь.

Николай Федорович. Куда?

Илларион Николаевич. Ваше дело.

Николай Федорович. Но передвигаться придется не снизу вверх, а сверху вниз.

Илларион Николаевич. Переживет, он молодой.

Николай Федорович. Ты пойми! Мы должны талантливого, чрезвычайно способного человека...

Илларион Николаевич. А я тебе друг!

Николай Федорович. Васильев только что получил благодарность...

Илларион Николаевич. А мы с тобой на родных сестрах женаты...

Николай Федорович. Ты сам знаешь, что Васильева назначили...

Илларион Николаевич. А Марья моя вам Гришку и Ваньку вместо няньки вынтила.

Мария Ивановна. Ларочка!.. Так ведь детки, они, окромя радости... Если бы свои были, я бы и своих...

Илларион Николаевич. А мне своих некогда заводить было... (*Взревев, Николаю.*) Нет, ты скажи, правы они со мной так расправляться?! А?! Нет, к черту из этого города!..

Анна Ивановна. Илларион...

Илларион Николаевич. К черту! Я теперь тут вечно в измазанных ходить буду... До гробовой крышки... Не отмоешься... Давай вместо Васильева, чтоб повышение было — тогда соглашусь.

Николай Федорович. Есть же справедливость, Илларион, как же можно...

Илларион Николаевич. Думаешь, есть? Боишься! Только что наверх вылез, репутацию боишься подмочить... Все известно, знаем!.. Все карьеризмом заражены, все! И ты! Только прикидываешься. Вы, интеллигентные, нутрянью жизнью живете, не видно. А мы — нараспах, настежь. Нам таить нечего, все глядите!

Николай Федорович (*холодно, зло*). А и потаить бы не мешало. Кому надо на твою душевную помойку любоваться!

Анна Ивановна. Коля!

Илларион Николаевич. Вот, значит, как!

Николай Федорович. Вот, значит, так!

Илларион Николаевич. И это все?

Николай Федорович. В данном случае.

Илларион Николаевич. Ладненько! Залетел наверх, силу почувствовал! Когда сидишь на верхах, сила-то прибывает — точно! Откуда берется — сам удивляешься. Только смотри! Наверху сидеть — всем в глаза бросается. У этих высоких кресел одна ножка да подпилена, а какая, и не угадаешь... Смотри!.. Полетишь! А кстати тебе сказать, Серегин хоть и сам в беде, а первый мне руку протянул. Потому что подлинно друг... Знаешь, что он сказал:

«Мы с
ны нач
Опять я
боюсь...
благоп
пока от

Ник
регинск
Илл
Ник
Анн
Лара.
Илл
теперь
гин зл
Ник
го, что
А Сер
происх

Илл
мы, ма
Ник
вуй.
Илл
Ну что
слушай
какого
в этом
главны
Мар
верно,
пока с

Илл
шиесь).
М
Анн
сумас
ву, пол
Ни
работе
Анн
Ни
Они у
молча.

Ир
и не б
шет! И
дом п
будь с
рить
и буде

«Мы с тобой, Илларион, съезжава из глубины начнем! Снова лес валить станем... Опять на передовую выйдем!» А?.. И я не боюсь... Выстою... А ты тут купайся в своем благополучии, ангел новоиспеченный... Мы пока отступим, дадим вам побаловаться.

Николай Федорович. Вон как! Серегинские словечки выпалил.

Илларион Николаевич. Свои.

Николай Федорович. Врешь. Его! Анна Ивановна. Ты сейчас злой, Лара.

Илларион Николаевич. А у вас теперь все в злых ходят. И я злой, и Серегин злой...

Николай Федорович. Ты злой оттого, что не понимаешь, что происходит. А Серегин злой оттого, что понимает, что происходит.

Илларион Николаевич. Темнота мы, малограмотные.

Николай Федорович. Не юродствуя.

Илларион Николаевич (жене). Ну что стоишь, уши развесила? Слушай, слушай, как твоего мужа точно шпаненка какого секут... Вот, Марья, а давно ли я в этом доме и в той и в другой половине главный был, в уважении...

Мария Ивановна. А может быть, верно, не ездить, Ларочка... Пойдешь ты пока сменим...

Илларион Николаевич (взвившись). Собирай барахло!!! (Ушел.)

Мария Ивановна пошла за мужем.

Анна Ивановна. Ну сумасшедший, сумасшедший, и все! Коля, позвони Веселову, поговори, узнай...

Николай Федорович. Его уже на работе нет. Поздно.

Анна Ивановна. А ты домой.

Николай Федорович. Да-да...

Они ушли. Иван и Иринка в это время сидели молча. Иван читал французское письмо, Иринка делала вид, что не слушает.

Иринка (как будто предыдущей сцены и не было). Что тебе дальше твой Леон пишет? Почитай.

Иван (читает). «...Я думаю, нам в каждом письме лучше всего трогать какую-нибудь одну тему. В этом письме я хочу говорить о самом прекрасном, что было, есть и будет на нашей любопытной планете. На-

деюсь, ты понял, о чем я пишу, и согласен со мной, что лучше любви ничего нет в мире...».

Иринка. Сразу видно, что буржуазный мальчик.

Иван. «Кстати, наши газеты пишут, что у вас, в Советской России, не влюбляются чуть ли не до двадцати лет. Я понимаю, что это чисто пропагандистская ложь, но все же ответь мне, с каких лет у вас любят? Лишь я, если мне не изменяет память, первый раз почувствовал любовные токи в девять лет. Но, конечно, это было совсем не то, что теперь. Прежде всего ты мне опиши свою любовь. Кто она, какая и решительно все! Мою любовь зовут Жакелина. Она учится и старше меня на один год... Самое замечательное то, что в ней всего 136 сантиметров. Волосы каштановые с рыжим оттенком, завиваются только на затылке в дьявольские пушистые завитки. Глаза темно-синие, нос чуть-чуть вздернут, верхняя губа слегка накрывает нижнюю. Я целовал ее. Целовался ли ты? Надеюсь, да... Заодно напиши, как ты относишься к президенту Кеннеди, Бриджит Бардо и Мао Цзэ-дуну...». Дальше еще не перевел.

Иринка. Что ты будешь ему отвечать?

Иван. Обдумаю.

Иринка. А про любовь будешь?

Иван. Буду.

Иринка. Конечно, надо развеять эту буржуазную пропаганду. А что ты напишешь?

Иван. Ну... что тоже.

Иринка. Тебе же никто не нравится.

Иван. Напишу — в кого попало: в тебя, например. Сколько в тебе росту?

Иринка. Я не знаю.

Иван (кричит). Тетя Маня!

Голос Марии Ивановны. Что, Ванечка? (Показалась в дверях.)

Иван. Дайте мне ваш швейный сантиметр.

Мария Ивановна (вынимая из кармана сантиметр). На, милый. (Обнимает его, целует, плачет.) Не оставлю я тебя, моего соколеночка, не оставлю! (Ушла.)

Иван. Иди сюда.

Иринка идет к дверному косяку, становится к нему спиной. Иван кладет ей на голову поднос, делает ногтем, или карандашом, или гвоздем заметку, вымеряет рост Иринки.

Иринка. Это же неправда.

Иван. Ты мне меньше других противна, так что доля истины есть. Сто сорок один сантиметр... Э, вымахала!.. Покажи-ка глаза. Зеленые, что ли?

Иринка. Цвета морской волны.

Иван. Кто это тебе сказал?

Иринка. Мама.

Иван. Занятный цвет, верно... И уши маленькие.

Иринка. А на затылке у меня тоже за-виваются... посмотри-ка. (Повернулась к Ивану.)

Иван. Действительно... Ты вообще, знаешь... такая... (Смутился.)

Иринка. Какая?

Иван. Ну... ладно...

Иринка. А вот что целовал, тебе уже писать не придется. Жалко, верно?

Иван. Ничего не поделаешь.

Иринка. Ну ладно, чтобы нас не позорить — иди поцелуй меня.

Иван. Ладно. (Подходит к Иринке, робко целует ее.)

Пауза.

Тьфу, черт, как в комнате натопили... Жарища. Ну ладно... Иди... Что-то у меня с дороги все еще в голове вертится... Иди...

Иринка уходит.

(Прошелся по комнате, подошел к окну, вы-сунул голову в окно освежиться. Подошел к магнитофону, включил кнопку. Говорит в микрофон.) Фу! Что-то я должен записать... Важное... Фу!. Устал с дороги... Тьфу! Какое-то состояние невесомости... где лево, где право... Тьфу, дьявол! В голове даже стучит... Это оттого, что жара... А может быть, не жара... (В испуге.) Что это? (Вдруг целует микрофон. Потом плюет на него. Выключает в ярости кнопку. Сел на стул.)

Вошла Анна Ивановна. Прошла к окну.

Голос Иринки (со двора.) Иван!

Пауза.

Ива-ан!

Иван замер, молчит.

Анна Ивановна. Ваня, тебя Иринка зовет.

Иван. Мало ли что зовет! Нет меня, нет! Крикни, что нет. У меня уроки: у меня физика, у меня математика, у меня...

Анна Ивановна. Что с тобой?
Голос Иринки. Ива-а-ан!..

Иван. Ну хорошо! Я ей сейчас крикну... Я крикну! (Подбегает к окну, кричит.) Иду!.. (Обернулся, посмотрел в недоумении на мать и выбежал.)

Входит Николай Федорович.

Николай Федорович. Ты знаешь, подъеду-ка я сейчас к Веселову домой... поговорю, посоветуюсь, попрошу...

Анна Ивановна. Съезди, Коля.

Николай Федорович ушел, входит Гриша.

Гриша. Нашел.

Анна Ивановна. А что делает Верочка?

Гриша. Я не заходил к ней.

Анна Ивановна. Почему?

Гриша. Еще не решил.

Анна Ивановна. Что — не решил?

Гриша. Ничего не решил.

Возвращается Иван.

Иван (у него в руках ножи и вилки). Иринка вилки и ножи передала, у нас не хватит... (Погладил вилки и ножи, кладет их на стол. Забирает шнур, розетку.)

Анна Ивановна и Гриша ушли.

(На минутку приоткрыл крышку магнитофона, завел, говорит, улыбаясь во весь рот.) Те, те, те, те, те, те, те... Это условно! Это про это! (Закрыл крышку. Берет магнитофон уходит в свою комнату.)

Входит Илларион Николаевич, он что-то ищет в комнате, нашел за шкафом свои сапоги, взял их, унес. Звонок в дверь. Иван выбегает открыть, возвращается вместе с Валерьяном, который обнял Ивана за плечи.

Валерьян. Здравствуй, здравствуй, Ванюха! У тебя, брат, уже усы! Ого! На день рождения подарю бритву... электро... Жизнь идет!.. Григорий дома?

Иван. Да.

Валерьян. Позови... Только умолчи кто!

Иван ушел. Валерян прошел по комнате, оглядел стены, глубоко втянул воздух. Входят Иван, Гриша, Анна Ивановна. Иван сразу же прошел к себе.

Это я! (Подошел к Анне Ивановне.) Можно по старой памяти?

Анна Ивановна. Можно, Валерик.

Ва
Иван
Гри-
Гри-
Ва
Детст
шум,
крик
Анна
пожа
время
лое!

Ан
Ва
счет
стоят
ван,
те.
Ан
ла у
Ва
распи
Вот
Ан
Валя
Ва
бой
по у
Ан
Сиди
Ва
на...
Ан
рик
В
дипл
Г
В
рики
Г
В
боле
И в
как
долг
руку
быть
след
зуль
с не
Г
В
Г
В
Г
зы

Валерьян (обнимает и целует Анну Ивановну. Подойдя к Грише). Здоров, Гри-гри!

Гриша. Здравствуй, Валя!

Валерян. А у вас ничего не меняется! Детством пахнет! Вкусно!.. А там, у меня, шум, визг, лязг, жара, план, чертыханье, крики, суета — ад!.. А здесь — рай. Но я, Анна Ивановна, уже привык к аду. Даже, пожалуй, он мне по душе. Видно, всему свое время: детству — детское, зрелости — зрелое! Верно?

Анна Ивановна. Безусловно, Валерик.

Валерян. Наконец-то три дня за свой счет вырвал... Так сказать, по семейным обстоятельствам... (Посерьезнел, сел на диван, молчит.) Вы, наверное, ее видели, знаете...

Анна Ивановна. Да, она сегодня была у нас.

Валерян. Вот, вот, вот... Конечно, расписала все в самых колоритных тонах... Вот глупая-то, вот глупая...

Анна Ивановна. А ты ее видел, Валя?

Валерян. Нет... Гри-гри, мне бы с тобой поговорить хотелось, пойдем шататься по улицам, я даже по городу соскучился...

Анна Ивановна. Дождь собирается. Сидите дома.

Валерян. Вы извините, Анна Ивановна...

Анна Ивановна. Я понимаю, Валерик. (Ушла.)

Валерян. По моим подсчетам, ты уже диплом должен защищать?

Гриша Верно.

Валерян. И зачем ты пошел в историки... Не современно.

Гриша. Не модно.

Валерян. Ну, шут со всем этим... Тем более что ты вообще не от мира сего... И вот что я тебе скажу, Гришуха: чтоб быть как можно дальше от мира сего, не женись дальше... Не женись, даже если тебе под руку подвернется чистый ангел. Может быть, именно на ангелах-то жениться и не следует... Мы — люди, они — ангелы, а в результате получается чертова жизнь!.. Ты с ней разговаривал?

Гриша. О тебе — нет.

Валерян. Что она говорила?

Гриша. Увидела тебя с другой и ушла.

Валерян. Ну что она видела? Что?

Гриша. Больше она ничего не рассказывала.

Валерян. Так я могу тебе сказать: получилось глупо! По-идиотски! По-кретински! Ничего не было. Я тебе клянусь, как другу. Ты мне веришь?

Гриша. Конечно, верю.

Валерян. Живем мы, как все нормальные люди, в общественной квартире... Через год получу отдельную — обещают твердо... Есть рядом некая Зина — ее же подружка, честное слово, ее, а не моя. Она ее и к дому приводила... Ну, хорошенская, ничего не скажешь... Но я и внимания не обращал... Они дружат!.. Ну просто как в каких-то допотопных романах. А я теперь убеждаюсь, что когда молодые женщины уж очень дружат — значит, одна другой какую-нибудь гадость готовят... Оказывается, этой Зине не Верочки нужна была, а я. Да-да!.. Ты знаешь, как за мной всегда девчонки бегали, но ты помнишь, дышал я только на одну Верочку. Этого, понимаешь, никто не ценит! Когда за тобой никто не бегает, никто не вешается на шею, никто не смотрит на тебя сжирающими глазами — ей-богу, быть праведником не трудно. А когда тебя все время атакуют то дурацкой запиской, то психическим вздохом, то будто бы случайным прикосновением бюста... Бабы, ведь они — у! — хитрюющие!.. Это мы слабый пол, а не они. Уверяю!.. Я же выстайл до сих пор! А я тоже все-таки не полено!.. Так вот: эта Зина — подколодная — является ко мне не с какими-нибудь там вопросами: где дают колбасу или дайте что-нибудь почтить, а подсаживается на диван — я газеты просматривал — и с чистыми, ясными, как у ласточки, глазами, выпаливает: «Валерик, вы такой умный, занимаетесь такой передовой отраслью науки — объясните мне в двух словах теорию относительности Эйнштейна...» В двух словах! А?.. Они, понимаешь, если им надо, и Эйнштейна, и Рубинштейна, и своего Фридриха Барбароссу себе на помощь призовут... Одна на работе все ко мне приставала: «Валерик, давайте как-нибудь вдвоем наедине поговорим откровенно, как могло случиться, что мы допустили культ личности!» А? А... Тыфу!.. Извини. Я все в сторону и в сторону — накипело... Так вот: я расхотела, расхоталась и эта распроклятая Зина. И так, знаешь, будто бы шутя, валится от смеха ко мне на колени... Я ее обнимаю... и полуспущая... честное слово, полуспущая... целую... Ну что особенного!.. Ну приятно, и все... Шутя!.. И ничего у меня в го-

Анна
Ты о че

Гриш
навлива
а она п
свой гра
ся, и, ч
ших пре
наешь г
душе.

Вале
няв). Г

Анна
поговори

Гриш
Анна

Вале
Мягко

Ну до

Вхо

Илл
одежна

Комната
Веро
тает с т
сится ст

Вер
Гри
таться.
Вер

Гриша с

Гри
Вер
Гри
и перех
Где об
Вер

лове не было... Открывается дверь... И из шутки рождается какая-то бессмыслица, химера, кошмар!

Гриша. Ты любишь Верочку?

Валерьян (горячо). Конечно!

Гриша. Так же, как и раньше?

Валерьян. Да!.. Хотя нет. Нет, Гриша! Нет! И вот что я тебе хочу объяснить, это тебе на будущее сгодится, если жениться отважишься: не верь в идеальную любовь, которая вечно звенит, как натянутая струна, и тому подобную чепуху. Всякому овошу — свое время. Я не люблю ее так, как раньше, но я же люблю ее! Люблю по новому. Спокойно, просто, без мальчишеской угорелости. А ей именно эту-то угорелость и подавай!.. Она, понимаешь, как бы застярла на одном месте и не растет... не развивается, что ли... Любовь тоже не некая постоянная и неизменная величина... она модифицируется, изменяется, живет!.. А у нас нет! В этом-то и вся дисгармония... Может быть, в наш нервный и бешеный век любовь действительно должна быть, как на Западе, — побыстрей и без надсады... А Верочка, она какая-то тургеневская... Катерина из «Грозы», Анна Каренина — они, понимаешь, из тебя всю душу вынут своей любовью... Я ее не обвиняю, ты не думай... Но я, честно говоря, немножко объелася ее любовью. Ух! Все!.. Кончил!.. Как на духу!.. Вот, брат, какая перипетия!..

Гриша. Ты страдаешь оттого, что она ушла от тебя?

Валерьян. Еще бы!.. И в такое время!.. Все так хорошо шло! Завели ребенка, ну, не мальчик — девочка, и то, как говорят, хлеб. Наш отдел придумал одну удивительную чертовщину — дело клянется, по секрету тебе скажу, на Ленинскую премию идем. Все как по рельсам... И на тебе! Не там, так тут!.. Бац!.. Вот уж действительно, понимаешь, правы те, которые считают, что в наши дни надо побольше физики и поменьше этой разной лирики... черт с ней, с теорией! Гришуха!

Гриша. Чего?

Валерьян. Поговори с ней. Ты — Сократ, лицо индифферентное, объективное...

Входит Анна Ивановна, она, видимо, вошла что-то взять в комнате.

Анна Ивановна. Я на одну минуту.

Валерьян. Да у меня и секретов нет,

Анна Ивановна, — прошу Гри-гри поговорить с Верочкой. Я, знаете, и боюсь, и не знаю как и, откровенно говоря, могу сорваться...

Анна Ивановна. Это ты очень верно решил, Валя. Ты поговоришь, Гриша?

Валерьян (Грише). Давай, понимаешь, прямо сегодня. У меня на это дело всего ничего — завтра вечером, хочешь не хочешь, обязан укатывать. А как ее здесь встретили, не знаете?

Анна Ивановна. Плохо, Валерик, очень плохо.

Валерьян. Ну какой она человек! Сама себе мученья придумывает. Это оттого, что ей хорошо... Было бы ей со мной плохо — жили бы мы бедно, был бы я какой-нибудь зачуханный неудачник — она бы не убежала... Ей мучений не хватает, честное слово!.. Она ведь и в своем медицинском учится и все твердит: окончу, и брошуся на какую-нибудь эпидемию... Только, слава богу, нигде эпидемии вроде нет. А она себе жизнь без эпидемии не представляет!..

Через комнату проходит Мария Ивановна.

Анна Ивановна. Маня, ты куда?

Мария Ивановна. Ларочка послал. Анна Ивановна. За чем?

Мария Ивановна. Не велел сказывать. (Ушла.)

Анна Ивановна (сыну). Так ты поговоришь с Верочкой, Гриша?

Гриша. Поговорю.

Анна Ивановна. Скажешь, чтобы она вернулась к Валерьяну?

Гриша. Да.

Анна Ивановна. Валя, ты попросишь у нее прощения?

Валерьян. Конечно!

Анна Ивановна. Ты сделаешь большое и доброе дело, Гриша.

Гриша. Понимаю.

Валерьян. Если уладишь, с меня, как говорится, пол-литра... По гроб!..

Анна Ивановна. И ты, Валя, будь в дальнейшем умником.

Валерьян. Теперь уж я от всех на версту отбегать буду! Или тайно... (Смеется.)

Анна Ивановна. Не болтай глупости, Валя.

Валерьян (весело). А что, Анна Ивановна, когда абсолютная неизвестность факта, вроде бы его и нет.

Анна Ивановна. Перестань! (Сыну.)
Ты о чем думаешь, Гриша?

Гриша. Вся беда в том, что люди устанавливают для жизни расписание движения, а она по этому расписанию не идет, у нее свой график. Мы сердимся, страдаем, бываем, и, честное слово, жизнь интереснее наших претензий к ней. И когда это начинаешь понимать, становится радостно на душе.

Валерьян (абсолютно ничего не поняв). Гри-гри, золотой ты парень! Идеал!

Анна Ивановна (с тревогой). Так ты поговоришь с Верочкой?

Гриша. Я же сказал: да... Пойду.

Анна Ивановна. Счастливо.

Валерьян. Гри-гри, ни пуха ни пера!
Мягко с ней, мягко! Она тихая-тихая, а иногда бешеная бывает!

Гриша ушел.

Ну до чего глупая, до чего глупая.

Входит Илларион Николаевич.

Илларион Николаевич. Анна, эта одежная щетка наша или ваша?

Анна Ивановна. Я уже давно, Лара, не помню, что наше, а что ваше.

Илларион Николаевич на мгновение задумался, потом швырнул щетку на диван.

Валерьян. Здравствуйте, Илларион Николаевич.

Илларион Николаевич. А! Сме-
на!.. Здравствуй. Как работается?

Валерьян. Очень хорошо!

Илларион Николаевич ушел.

Что с ним?

Входит Иван, тянет микрофон на длинном шнуре.

Иван. Наладил! Ну, скажите что-нибудь,
скажите — там лента идет!

Анна Ивановна. Пойдем в кабинет Николая, Валя, я хочу еще кое-кому позвонить...

Валерьян (в микрофон, на ходу). Ванюха, когда человек женат, ему уже не до развлечений. (Ушел вместе с Анной Ивановной.)

Иван (один). Люди, люди!.. (Задумал-
ся, потом говорит в микрофон.) Те-те-те
все сильнее и сильнее! Те-те-те-те-те-те!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната в квартире Голубевых. В комнате одна Верочка, она сидит за пишущей машинкой, печатает с трудом. Изредка из другой комнаты доносится стук — это стекольщик вставляет выбитое Иваном стекло. Входит Гриша.

Верочка. Ты уже за рукописью?

Гриша. Нет, со стекольщиком рассчитывается.

Верочка. Он еще работает. Посиди.

Гриша садится на стул у стола, далеко от Верочки.
Пауза. Верочка печатает.

Гриша. Давай пока подиктую.

Верочка. Подиктуй.

Гриша (берет стул, на котором сидел, и переходит к Верочке, садится около нее).
Где остановилась?

Верочка (показывает). Вот.

Гриша (диктует). «...личности Дантона и Робеспьера. Я придаю большое значение внутреннему миру каждой индивидуальности, исторически поставленной на особое, ответственное и видное место». Точка. «Такая индивидуальность окрашивает время в свои цвета, выражает и формирует его в какой-то степени...» Ты что, плачешь?

Верочка. Диктуй, диктуй.

Гриша (диктуя). «Изучая умственные, нравственные и этические стороны...»

Верочка вытирает глаза платком.

Перестань!

Верочка. Не могу.

Гриша. Тогда возвращайся к нему.

Верочка. Диктуй.

Гриша (диктуя). «...этих личностей, мы придем к выводу...»

Верочка. Завтра занятия в институте.

Гриша (диктуя). «...что, пожалуй, именно формирование человека каждого в отдельности и есть главное...» Выходи за меня замуж.

Верочка (улыбается сквозь слезы). Как это я раньше сама не догадалась... Ты такой положительный, такой умный, такой честный... Диктуй дальше.

Гриша. Я люблю тебя! (Встал). Я... ты не можешь себе представить, как я люблю тебя!..

Верочка (еще не понимая ничего). Гриша...

Гриша. Милая моя! Люблю тебя!.. Я очень давно люблю тебя! Очень! Мне казалось, что и ты замечала тогда это мое особенное отношение к тебе... Когда мы встречались глазами, ты что-то говорила ими... Что-то ответное... А потом я из окна увидел, как ты стояла с Валерьяном вон под тем тополем — он тогда еще маленький был, а сейчас как разросся!.. Тополя очень быстро растут... И решил: нет, нет, раз ты выбрала — значит, все, значит, я и виду не покажу... Но, знаешь, еще сильнее полюбил тебя, еще мучительнее, просто все внутри разрывалось от переполнения... Я теперь понимаю, я неправильно сделал, неправильно, что отошел... Я думал, он красивый, радостный — конечно, тебе такого и надо... Я же тебе желал счастья... И потом Валерян — мой товарищ, чувство деликатности... Все это неправда!.. Надо было не отдавать тебя. Никому! Никому! Даже если это друг, брат, сват... Это же мое право!.. А я все думал: если не любит — значит, не достоин... Я знаю, что любят не за что-нибудь, а просто любят, как я люблю тебя — за твой лоб, за твои губы, за цвет твоих волос, за твой внутренний облик, за твои желания — за все! И ни за что в то же время... А я все хотел делаться лучше и лучше, чтобы ты обратила на меня внимание... Странно... Ты придала мне какую-то удивительную энергию, силу... Мне все легко было делать! Все!.. Жил в каком-то невероятном напряжении... Я каждый вечер подходил к этому окну и ждал... Сначала ты приходила с ним редко... потом чаще... Я уходил тогда, когда уходила и ты... А потом я увидел, как вы поцеловались... У-у-у!!

Это уже давно было, но и сейчас, когда вспоминаю, и стыдно и злобно становится. Я больше не подходил к окну... Если бы ты знала, чего мне это стоило — не подходить к окну... Я говорил себе — все, все!!! И от этого не делалось легче. Я ничего не мог поделать с собой... Я бредил тобой... Мне казалось, что я сойду с ума... Мне хотелось заболеть, умереть, убежать, убить себя... Весь набор!.. Я старался не видеть тебя. Я не мог видеть тебя. Я боялся, что когда встречу тебя — потеряю сознание! Ты, наверное, слыхала, читала, что, когда Данте встретил Беатриче во Флоренции на мосту, он, увидя ее, потерял сознание... Это правда!.. Это правда, Верочка!.. Я знаю, что это правда... Все говорят, что я очень собранный, очень организованный, очень выдержаный — это потому, что я твой!.. Я твой!.. Мне некуда себя девать! Все твое... Да, да!.. Когда ты вышла замуж — мне стало легко, я вдруг почувствовал какуюто раскованность, почти радость. Да-да!.. Как будто я все время был обручами стянут, и вдруг эти обручи свалились... Я понял — все отрезано, все!.. И даже веселый стал... Даже на свадьбе был, помнишь?.. Ты была так хороша, так празднична, так светилась, но уже не моя. Я смотрел на тебя, как на совершенно чужую, незнакомую женщину, даже самому странно было! Ушел со свадьбы какой-то веселый и пустой. Совсем пустой. Так и ходил долгое время пустой. Легко и пусто!.. Наверное, когда у человека нет больших чувств, ему легко. Да?.. Не отвечай, погоди, это я так... А потом, знаешь, как-то я наткнулся у себя в столе на фотографию, мы все в десятом классе... выпускная... И вдруг все начало расти снова... сосать, ныть, рвать... Опять стянуло всего... Опять ты!.. Ведь глупость-то какая! Ты замужем, чужая вроде... а я люблю тебя! Да ведь как!.. Ты помнишь, я снова перестал с тобой встречаться?.. Не помнишь, конечно... да это и не важно. Валерьяна видел... странно, к нему у меня какое-то ровное чувство было. Никакое. Не вызывал он во мне ничего... Потом у вас ребенок родился... И опять вдруг мне облегчение. Ну, думаю, все, все — на веки вечные. Конец, финал. Опять я песенки напевать стал. А тут еще вы и уехали!.. Все!.. Все камни с души свалились. Не вижу, не знаю — не было!.. Да-

же иногда нарочно думать о тебе начну, проверять вроде, думаю — и ничего со мной не происходит. Даже и думать-то долго не могу, другие мысли перебивают... А ведь, бывало, другую-то мысль силой в голову вталкиваешь... А четырнадцатого числа прихожу из институтской библиотеки — я там еще кой-какие крохи для дипломной подбирал, а тетя Маня говорит мне: «Верочка приехала...» А я опять у этого же окна стоял, у того самого... Гляжу, ты из подъезда выходишь, коляску катишь и на лавочку садишься под тем самым тополем... А тетя-то Маня мне все говорит, что ты, мол, одна приехала, что с Валерьяном у вас что-то случилось... Я тогда и подумал: это ты ко мне приехала! Обратно!.. Смотри я на тебя, и плывет у меня все перед глазами, плывет, вот как и сейчас...

Верочка. Ты сядь, сядь, Гриша.

Гриша (*не слушая*). А теперь он за тобой приехал... Да-да... он у нас дома сидит, тебя ждет... Меня просил, чтоб я уговорил тебя к нему вернуться... Не было там у него ничего... Это верно, не было. Он не врет. И у тебя с ним ничего не выйдет, это я тебе не из личных целей говорю, а знаю, вижу, безотносительно говорю... он неплохой. Он, знаешь, даже хороший... Но вы с ним разные... Ничего и не выйдет... Так, тянуть жизнь вместе сможете, а настоящего не будет!.. Большого не выйдет. А ведь я знаю тебя! Тебе только большое надо, огромное!.. Верочка, бесценная моя! Если бы ты полюбила меня!.. Я люблю тебя!.. Ты — весь мир!.. Ты — самое лучшее, что есть в мире!.. Если бы ты знала, что сейчас со мной творится... (*На мгновение теряет сознание.*)

Верочка подбегает к Грише, но он уже пришел в себя.

Что-то у меня голова закружилась. Это я дипломом перезанимался...

Верочка. Посиди тихо. Дать воды?

Гриша. Дай.

Верочка подает воду, Гриша залпом выпивает стакан. Стук в дверь.

Верочка. Кто там?

Голос Ивана. Это я.

Верочка. Войди, Ваня.

Входит Иван,

Иван (*брату*). Мама послала узнать, почему ты так долго не идешь... (*Посмотрел на Гришу, на Верочки.*) Но я скажу, что ты не застал Верочку дома, что у вас никого нет и что ты ушел ее искать. Извините. (*Ушел.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Снова столовая в квартире Неделиных. Столы раздвинуты и наполовину сервированы. В комнате Мария Ивановна и Илларион Николаевич. Илларион Николаевич укладывает чемодан.

Мария Ивановна. Ларочка, сгоряча ты это!.. Чего тебе сейчас-то жизнь переламывать.

Илларион Николаевич. Переломилась уже.

Мария Ивановна. А ты опять в обратную сторону хочешь — совсем хрустнет.

Илларион Николаевич. Не скрипи! Помнишь, у меня галифе было — взять бы надо.

Мария Ивановна. Что ты! Я, еще когда Мурка в первый раз котилась, ей из них гнездо делала.

Илларион Николаевич. Зря порвала. В них мне везло...

Мария Ивановна. Ты бы теперь и не влез в них.

Илларион Николаевич. Билет-то он обещал достать?

Мария Ивановна. Обещал.

Илларион Николаевич. Ты, значит, покуда тут останешься. Я, когда обоснуюсь, вызову.

Мария Ивановна. Ванечку, Гришеньку жалко. И Анюту-то с Колей... Ведь всю жизнь рядом, всю жизнь... (*Плачет.*)

Илларион Николаевич. А ты возьми да брось меня, разведись, оно как раз будет...

Мария Ивановна. В тридцать-то первом, когда ты меня сюда позвал, уж как я рвалась, как стремилась в барак-то в тот...

Илларион Николаевич. А теперь не больно потянет?

Мария Ивановна молчит.

Не больно.

(Радо
стуй!
ей ру

Верочки

Ну, н
на ме
тебя з
рится в
всем т
цу... К
ра пр
инсти
нечно,
будь

Вер
сказа
Ва
новно
нююше
го ми
Ива

У ме
распр
Входит

Ил
приход
Ан
Ил
залос
Ан
шел.
Ил
Ан
Нико
ся.
Ил
дится

А у
Ва
Ан
Веро
ли не
Ил
так с
боты.
Ва
он Н
Менд

Мария Ивановна. Я поеду, ты не ду
май, Ларочка. Поеду! Хоть на самый край.

Илларион Николаевич о чём-то задумался. Мария Ивановна подошла к мужу, погладила его по голове.

Илларион Николаевич (отстра-
няясь). Что ты меня глашишь? Что я, кошка
твоя окотившаяся!..

Мария Ивановна. Люблю я тебя,
соколик ты мой.

Илларион Николаевич. Нужна
мне сейчас твоя любовь.

Мария Ивановна заплакала сильнее.

(Понял, что обидел жену, подошел, обнял
ее за плечи, поцеловал.) Ладно, ладно...
Худо мне, Маня...

Мария Ивановна. Разве я не чув-
ствую...

Стоят обнявшись.

Илларион Николаевич. Что он
ещё-то говорил?

Мария Ивановна. Ничего. Заеду,
говорит, — и все.

Илларион Николаевич. Сюда?

Мария Ивановна. А куда же?

Илларион Николаевич. Слушай,
какое он на тебя впечатление произвел?

Мария Ивановна. Так я его и рань-
ше издали видела.

Илларион Николаевич. А теперь,
вблизи?

Мария Ивановна. Уж больно о нем
страшно говорят...

Илларион Николаевич. Когда
большого человека валият, одна собака за-
ляет — все отзываются, как в деревне. Ты
не верь. Не может того быть, что о нем го-
ворят. Не может! На твой-то глаз как?

Мария Ивановна. Большой человек.

Илларион Николаевич. Вот ви-
дала!

Мария Ивановна. Только чужой.

Илларион Николаевич. Что зна-
чит — чужой?

Мария Ивановна. Совсем чужой.

Илларион Николаевич. Ты объяс-
ни, прокомментируй.

Мария Ивановна. Его бы, Ларочка,
в эту самую ракету посадить и на Луну.
Ну его! Пусть там живет, а с нами, с людь-
ми-то, не надо... У него в глазах души нет —
одни соображения...

Илларион Николаевич. Ну, замо-
лода... Сила в нем. Силища! У, какая!

Мария Ивановна. У медведя, Лар-
очки, тоже сила. И у тигра лютого.

Илларион Николаевич. Отняли у
него теперь ту силу.

Мария Ивановна. А ты ему ее вер-
нуть подсобить хочешь... Иди ты пока
сменным, Ларочка...

Илларион Николаевич (вскрипев).
А я тебе сказал: не только сменным, зам-
естителем директора не пойду!! Платки
положи!! Поговорить-то не с кем!.. И на
аэродром не ходи — видеть никого не могу!
(Ушел.)

Входит Анна Ивановна, немного погодя —
Валерьян.

Мария Ивановна. Анюта, ведь уедет
он, уедет... Не велел сказать... Я к Сереги-
ну бегала, улетят они через час на самоле-
те... Придет он за ним... с билетом, сата-
на-то тот... Сам... Коля-то где?

Анна Ивановна. Не могу понять, по-
чему так долго нет. Да ты уговори его,
Маня, подождать...

Мария Ивановна. Не знаешь ты
его, что ли? (Ушла.)

Валерьян (глядя в окно). Вот они
идут!

Анна Ивановна. Кто?

Валерьян. Гриша, Верочка и Иван.

Анна Ивановна. Ты, Валя, говори
мягко, ровно, а главное, не обидь Верочку.

Валерьян. Да-да. Анна Ивановна, ну
ведь надо же ей такую кашу заварить!
И был бы повод! Вы мне помогите в слу-
чае чего.

Анна Ивановна. Конечно, Валя.

Валерьян. Она вас так любит! Вы во-
обще в наших глазах — идеал и высшая
форма справедливости! Идут. Интересно,
как она встретит меня. Тьфу, черт, я даже
вдруг заволновался... Она же виновата,
а я себя чувствую дураком...

Входят Верочка, Гриша, Иван.

(Радостно, светло.) Ну, беглая моя, здравствуй! (Подходит к Верочки, протягивает ей руку.)

Верочка здоровается с мужем. Но когда Валерьян хочет ее поцеловать — отстраняется.

Ну, ну, ну! Не буду. Сердишься? Что ты на меня смотришь? Похудел? Да уж, без тебя верчусь, верчусь. В комнате что творится! Ты бы видала! Между прочим, я всем говорю, что ты уехала погостить к отцу... Карповы три раза приходили... И завтра придут... Завтра первое. Тебе идти в институт... Я им сказал, что к первому, конечно, приедешь... Ну, скажи мне что-нибудь...

Верочка. Я вот и сама все думаю, что сказать?

Валерьян. Клянусь перед Анной Ивановной, перед Гришухой и даже перед Ванюшкой, который куда-то сбегает от нашего милого разговора...

Иван в это время действительно выходит из комнаты.

У меня решительно ничего не было с этой распроクリатой Зиной.

Входит Илларион Николаевич, за ним — Мария Ивановна.

Илларион Николаевич. Не ко мне приходили?

Анна Ивановна. Нет.

Илларион Николаевич. Мне показалось, дверь хлопнула.

Анна Ивановна. Это Ванюша вышел.

Илларион Николаевич. А!..

Анна Ивановна. Лара, ты дождись Николая. Я тебе даю слово — все уладится.

Илларион Николаевич. Не уладится, так уладим.

Пауза.

А у вас тут производственное совещание?

Валерьян. Почти.

Анна Ивановна. Хотим помирить Верочку с Валерьяном. Они сгоряча чуть ли не разойтись хотят. Характеры!

Илларион Николаевич. От ничего, так сказать, делать. Да... мне бы ваши заботы.

Валерьян. Любовь все-таки, Илларион Николаевич, тоже имеет по таблице Менделеева кое-какой удельный вес.

Илларион Николаевич. Ноль цепных три десятых.

Мария Ивановна. А помнишь, как ты из-за меня в наш деревенский пруд во всей одежде бросился?

Илларион Николаевич. Когда это?

Мария Ивановна. Помнишь!

Илларион Иванович. Окстись!

Мария Ивановна. Да у всех на глазах было. Вот Анюта, поди, тоже помнит.

Илларион Николаевич. Мели, мели!.. (Анне Ивановне.) Объявится кто — крикни. (Ушел.)

Мария Ивановна. Господи, хоть бы Коля раньше того пришел. (Ушла.)

Валерьян (Верочки). Так ты мне веришь?

Верочка. Да.

Валерьян. В чем же дело?

Верочка. Не знаю.

Валерьян. Ну все же?

Верочка. Не знаю. Не могу объяснить словами.

Валерьян. Ты меня любишь?

Верочка (после трудной паузы). Нет, Валерик.

Валерян (потрясен). Ну, это ты так говоришь, не всерьез... (Взял себя в руки.) Верунька, ну зачем ты осложняешь?.. Допустим, я совершил ужасный поступок... Но я же, вот видишь, при всех прошу у тебя прощения... Не усугубляй ты, ради бога! Поверь мне, жизнь человеку портят не неудачи или неприятности, а переживания по поводу этих неудач. Ну случилась неприятность, так не надо ее жевать, разводить, а надо направить все усилия на то, чтобы скорей забыть. И жить дальше. Впереди-то, может быть, вагон радостей. А мы мучаемся, мучаемся, жуем, жуем, а вагон-то от нас и уезжает... (Засмеялся.) А? Разве тебе со мной было плохо?

Верочка. Изумительно! Ты даже не представляешь, кем ты был для меня!

Валерьян. Ну я виноват и теперь согласен на половину того, чем был.

Верочка (тихо). Нет, Валерик. Будь уж лучше сразу ничем... Ты очень веселый, красивый, развитой...

Анна Ивановна. Верочка, но совсем недавно, когда мы сегодня встретились, ты чуть не заплакала...

Верочка. Это, Анна Ивановна, оттого, что я вдруг почувствовала, как бежит врем-

мя. Что-то ушло, Валерик. И ни Сашутка, ни мое прежнее чувство к тебе, ни наша комната, ни институт — ничто не может заменить это «что-то» и связать.

Валерьян. А я тебе говорю: вернется, забудется, вот увидишь. Заберем Сашутку, сядем в поезд... Приедем, откроем нашу дверь... И увидишь! Все потечет самым нормальным образом... Ты мне испечешь оладьи с яблоками, ты их так вкусно делаешь... А я... Ну что для тебя сделать?.. Говори все, что угодно... Ну?

Верочка. Я не знаю, Валерик.

Анна Ивановна. Это простая маленькая семейнаяссора, Верочка. К сожалению, без них не бывает супружеских жизней...

Валерьян (*шутя*). Верунька, ты все ищешь чего-то необычного, у тебя обо всем идеализированное представление. Даже о любви, честное слово. В тебе все немножко из старых книг. Это очень красиво, но, знаешь, как-то не современно и мешает тебе. Поверь мне, в век тарантаса и лучины были одни чувства. Не могут же они оставаться на точке замерзания и быть такими же в век счетно-решающих машин и космических скоростей.

Гриша. По-твоему, получается, что в век лучины и тарантаса были более сильные и красивые чувства?

Валерян. Допускаю. Ну и что же! Им — красивая и безумная любовь, зато лучина и тарантас. Нам — может быть, любовь поскромнее, но зато атомная энергия, полупроводники, телевидение, радио...

Верочка. И центральное отопление.

Гриша. Нет, Валя, если счетно-решающие машины и полеты в космос не способствуют внутреннему росту человека, силе и красоте его чувств, а существуют для чего-то другого — значит, они есть только бесполезная беготня за миражами и знаменитая суэта суэт... Я же считаю: не все суэта суэт!

Верочка. Есть, Валя, и сейчас очень, очень большие чувства.

Валерян (*еще сохраняет шутливый тон, но уже сердится*). Верунька, но твоя необыкновенная любовь испаряется, как самая обыкновенная вода, как только ты зашипела от ревности.

Верочка. Я говорю не о себе, Валя. Течения, о которых я читала в книгах...

Валерян. Именно — в книгах.

Верочка. Те чувства, которые были между моим отцом и матерью...

Валерян. Верочка, но ты действительно все высасываешь из своих фантазий. Ты меня извини, но твой пapa женился на Эмме Константиновне, когда и года не прошло после смерти Ирины Андреевны.

Верочка. Это не мой пapa, Валерик. Мой пapa умер в день маминой смерти. Он не мог жить. А сейчас живет совсем другой человек. Очень несчастный, которого подобрала из разных соображений Эмма Константиновна и который держится за Эмму Константиновну в силу инстинкта самосохранения. Так вот, Валерик, я и сама думала, что тех чувств сейчас уже нет... А теперь я знаю, они есть, есть, Валя! И какие большие, какие красивые!

Анна Ивановна. Гриша!

Гриша. Что, мама?

Анна Ивановна растерянно смотрит на сына, на Верочку, не знает, стоит ли ей высказать свою догадку. Вшел Иван.

Анна Ивановна. И что же вы решили, Верочка?

Верочка. Я не могу вернуться к Валерьяну, Анна Ивановна.

Валерян. Ну, клянусь, в тебе говорит только твоя избалованность.

Верочка. А знаешь, я рада, что избалованная. Может быть, каждый человек должен быть избалованным, очень избалованным! Очень!

Анна Ивановна. И что же собираетесь делать, Верочка?

Верочка. Не знаю.

Анна Ивановна. Все-таки. Я бы хотела знать, мне это не безразлично.

Гриша. Мама!

Анна Ивановна. Что?

Верочка (*долго смотрит на Анну Ивановну. Быстро*). Валерик, я еще, может быть, вернусь к тебе... Я еще подумаю, взвешу... Я глупая, действительно глупая! Вечно прошу луну с небес... Да-да, правильно! Валерик, едем сегодня же обратно... Сейчас... Пойдем, Валерик, пойдем!.. (*Идет к Валерику.*)

Валерян. Ну вот, слава тебе господи! Ты здесь намучилась одна, да еще с этой Эммой Константиновной. Ты сейчас все как в бреду говоришь, уж такую чепу-

ху, такую... Понять невозможно... Даже милую Анну Ивановну чем-то обидеть хотела... (*Обнимает Верочку за плечи, идет к двери.*)

Гриша. Нет, не смей! Ты хочешь решить разумом! Это ложь!.. Это повлечет за собой только новые мучения.

Валерьян. Гришуха, да ты что?

Иван (*вдруг*). Мама, зачем ты нас учишь быть добрыми, справедливыми, честными?! (*Убегает.*)

Валерьян. Что тут крутят? Что тут крутят?! Скажите мне, пожалуйста!

Входит Николай Федорович.

Анна Ивановна (*мужу*). Он хочет жениться на Верочки!

Валерьян. Кто?

Но на Валерьяна никто не обращает внимания.

Николай Федорович (*после паузы*). Знаешь, Анна, мы уже воспитали его целиком. Если и упустили что, то навсегда. Разве что сам доберет. Теперь нам остается только уважать его самостоятельность. Мы знаем Верочку как чудесную, милую девушку...

Верочка вдруг начинает плакать.

Валерьян. Хотя бы в двух словах можно мне получить информацию?

Анна Ивановна. Гриша объяснился Верочки в любви.

Валерьян. Гри-гри, это что? Факт?

Гриша молчит.

Слушай, это же не по-товарищески.

Гриша. Ты хочешь, разумеется, мне счастья, мама?

Анна Ивановна. Да-да!.. И ты сам еще не понимаешь...

Гриша. Нет, я понимаю. Ты предлагаешь мне свое счастье. А у каждого человека есть еще и свое. Личное. И твое счастье может быть для меня сейчас только несчастьем.

Верочка. Анна Ивановна, мне очень хорошо, что на свете есть такой человек, как Гриша, очень хорошо! Просто я себя вдруг почувствовала увереннее, мне стало легче. Но, клянусь вам, если вы сейчас скажете, что я должна вернуться к Валерьяну,

я вернусь. Сейчас. Сию же минуту. Немедленно!

Валерьян. Анна Ивановна, да скажите вы ей!

Анна Ивановна молчит.

Николай Федорович (*жене*). Ты знаешь, у Иллариона дела плохи. Подвели его. Но ведь и он не мальчик. Работу ему дают хорошую, но повернуть назад уже невозможно, да, по совести говоря, и нехорошо будет... Или уж действительно все по-новому, или опять сами с собой в жмурук играть..

Входит Илларион Николаевич.

Илларион Николаевич (*Николаю Федоровичу*). Это ты? Ну?

Николай Федорович. Что?

Илларион Николаевич. Как?

Николай Федорович. Все в самом лучшем виде.

Илларион Николаевич. Отменили?

Николай Федорович. Приказ?

Илларион Николаевич. Да.

Николай Федорович. Отменить, знаешь, не отменили, а...

Илларион Николаевич. Ясно!..
(Резко ушел к себе.)

Николай Федорович (*жене*). Пойдем.

Валерьян. Анна Ивановна!

Анна Ивановна. Это очень сложный вопрос, Валерик, я не могу дать ответ сразу.

Николай Федорович и Анна Ивановна ушли.

Валерьян. Я поцеловал какую-то несчастную, ничтожную, задрипанную Зину, а ты!.. (*Гриши.*) Ты скажешь мне что-нибудь?

Гриша. А зачем жевать неприятности? Я буду ждать год, два, три, сто лет. Жди и ты.

Валерьян. Чего?.. Она же моя! Моя!

Входит Иринка. Она в великолепном нарядном платье.

Иринка. Ваня дома?

Гриша. Иван! К тебе!

Вбегает Иван. Видит такую нарядную Иринку и замирает.

Иринка. Чего ты?
Иван. Опять что-то жарко...
Иринка. Пора уже накрывать, скоро придут. Я пришла помочь...
Иван. Идем сначала на кухню. Ты перепачкаешься.
Иринка. Я фартук взяла. (Надевает фартук и становится еще очаровательней.) Как?
Иван. Спрашиваешь!

Они ушли на кухню.

Валерьян. Да что же это делается? Что делается?.. Тебе завтра в институт надо.

Верочка. Ты извини меня, Валерик, я пойду — Сашутка может проснуться. Если хочешь на нее посмотреть, заходи, пока наших нет. А то вернутся — придется снова все выдергивать, а зачем? (Ушла.)

Валерьян. Ты что-нибудь скажешь мне?

Гриша. Нет.

Валерьян. Все-таки?

Гриша. Когда ты женился на Верочки, я же не требовал у тебя объяснения. Пожалуйста, действуй.

Валерьян. Как?

Гриша. Спроси кого-нибудь другого. Я, пожалуй, буду плохим советчиком.

Валерьян. Гришка, она вздорная.

Гриша. Не мельчи себя, Валька!

Валерьян. И все-таки я не понимаю, за что? Что я сделал?

Большая пауза. Входит Серегин.

Серегин. Илларион Николаевич Егоров здесь живет?

Гриша. Здесь. (Зовет.) Дядя Лара! К вам пришли.

Входят Илларион Николаевич, Мария Ивановна, Николай Федорович, Анна Ивановна. Небольшая пауза.

Илларион Николаевич. Это вы, Михаил Полуэктович!

Серегин. Я. Ну, достал билет, радуйся. Еще не все старые друзья откестились. Я один взял. Жинку-то, поди, пока прихватывать не будешь? А?

Илларион Николаевич. Не буду.

Серегин. Здравствуйте, товарищи. (Здоровается со всеми. Отдает билет Иллариону Николаевичу. Николаю Федоровичу.)

Поздравляю тебя, Николай Федорович. Главный, значит?

Николай Федорович. Да.

Серегин. Мечтал?

Николай Федорович. Не сказал бы. Однако попробую.

Серегин. Ну-ну, не скромничай. Повышение-то для человека — радость. Законная, так сказать, психологическая.

Вошли Иван и Иринка, что-то ставят на стол.

По этому поводу и пир горой?

Николай Федорович. По этому.

Серегин. Жаль, гостем быть не могу — улетаю. Давай, Ларион, неси имущество в машину.

Илларион Николаевич ушел в свою комнату. Мария Ивановна заплакала.

Анна Ивановна (*мужу, тихо*). Удержи его, Коля.

Николай Федорович. Как?

Анна Ивановна. Придумай.

Серегин (*осматривая комнату*). А ты неплохо устроился. (Взял с маленького столика статуэтку, вертит в руках.) Это что, из-за рубежа привез, что ли?

Николай Федорович. Да, из Франции.

Серегин. Черт те что! Надо же так от реализма оторваться! Выдумают же! А занятно! Не разлагают путешествия-то эти?

Николай Федорович. Разложиться при желании и здесь можно.

Серегин. Чужой дух там.

Николай Федорович. А я никогда так остро не бываю влюблен в свою страну, как именно тогда, когда уезжаю за ее пределы.

Серегин. Этак ты договоришься до того, что жить вообще лучше за границей, а не у нас.

Николай Федорович. Этак я не договорюсь.

Серегин. Я шучу.

Николай Федорович. Я понимаю.

Серегин. А я, бывало, в анкете с удовольствием писал: «Был ли за границей?» — «Не был». «Какие языки знает?» — «Никакие».

Николай Федорович. А я всегда мечтал посмотреть разные страны.

Серегин. Мечтать-то может и я мечтал. Да... теперь хорошо, когда все последствия ликвидированы.

Николай Федорович. По-моему, еще далеко не все.

Серегин. Да что ты! Старым-то и не пахнет.

Николай Федорович. Пахнет, если приносятесь.

Серегин. Да брось ты! Не клевещи, брат, на нашу замечательную действительность. С культом покончено на веки вечные.

Николай Федорович. С культом — да, с последствиями — нет.

Серегин. Ох, Николай Федорович, все тебе не ладно, во все времена! Уж вроде и главным стал — куда выше-то?

Входит Илларион Николаевич с чемоданом.

Илларион Николаевич (*подходя к жене*). Ну, Марья...

Иван. Дядя Лара, вы надолго?

Илларион Николаевич не отвечает.

Анна Ивановна (*мужу*). Коля!

Николай Федорович. Дядя Лара навсегда уезжает, Ваня.

Иван (*в недоумении*). Как — навсегда?

Николай Федорович. Илларион!

Илларион Николаевич (*после паузы*). Ну, чего тебе?

Николай Федорович. Не езди.

Серегин. У, да тут, так сказать, семейные переживания. Мне выйти или здесь обождать?

Илларион Николаевич. Идемте, Михаил Полуэктович.

Серегин. Может, останешься? Я, брат, теперь не тот. Про меня уж чего только не наговорено. Тебя мазанули, а меня прямо с головой в деготь-то сунули. Теперь тебе, может, к другим швартоваться надо?

Гриша. По-моему, дядя Лара никогда ни к кому не швартовался.

Николай Федорович. А сейчас хочет.

Илларион Николаевич. Что хочет? Что хочет?! Что ты мелешь?

Серегин. Погоди, Николай Федорович. Этак ты и на меня тень набрасываешь. Я еще не могу понять, что к чему...

Николай Федорович. Нет, вы понимаете, Михаил Полуэктович!

Серегин. Убей меня бог!

Николай Федорович. И убьет!

Илларион Николаевич. Идемте, Михаил Полуэктович. У него от возвыше-

ния малость голова кругом идет... Ему теперь мерещится — всем он учитель...

Серегин. Нехорошо, Николай Федорович, если... мы и ошиблись в чем — мы и осознали. А добивать-то вроде и ни к чему. Ты сам битым бывал, мог бы и поглубже других понять. Душевнее надо быть друг с другом, человечнее.

Серегин и Илларион Николаевич пошли к двери.

Николай Федорович (*совершенно не зная, как остановить друга*). Илларион!.. Каждый из нас никогда не застрахован ни от ошибки, ни от заблуждения... Но ты сейчас хочешь совершить непоправимое, зачеркнуть свою собственную жизнь, весь ее смысл... Личный, общественный...

Серегин. Я же ему, Николай Федорович, не индивидуальный огород копать предлагаю, а строить...

Николай Федорович. Ему прежде всего самого себя сейчас выстроить надо, а то вон его как перекосило!

Мария Ивановна. Коленъка, за что ты его так-то!

Илларион Николаевич. Как это меня перекосило, как?

Серегин. Ты не горячись, Илларион Николаевич, побереги свою нервную проводку, она, понимаешь, в таких ситуациях здорово гореть начинает. В это-то время и проверяется, кто тебе друг, а кто так, сосед просто квартирный. (*Тронулся к двери*.)

Николай Федорович. Безвольный ты человек, Илларион.

Илларион Николаевич. Ты меня хоть на дорогу-то не смеши.

Николай Федорович. Думаешь, если ты здоровенный, горластый, да еще с кавалерийским характером, так этот шумгам и есть человеческая воля? В том-то и беда, что волю твою и кристальную честность надломили. Разве ты не знал, что обманывать нехорошо, гадко, вредно, вредно в самом общенародном масштабе? Знал? Хотел ли ты принести вред? Никогда! Приносил ли? Да. Научили тебя против твоей же собственной совести идти. Да ведь и врать-то тебя учили не как-нибудь, а в интересах дела!.. Врал, так сказать, на благо всему народу! Всему человечеству!.. Ты, наверное, так и думал, вру, зато пользу приношу. А что же получилось, Лара? Восстанови свою совесть, Лара,— очень этот

прибор необходим человеку. И время тебе предлагает эту возможность, просто требует!

Серегин. Он же и едет все свои добродетели, так сказать, ремонтировать. Я помогу, чем могу...

Николай Федорович. Не на те дела вы мастер, Михаил Полуэктович.

Серегин. Вот что, Илларион Николаевич, оставайся. Я, конечно, нянька плохая, а случись там с тобой что — на меня всех собак... которых еще недоповесили — повесят... А тебе, Николай Федорович, я вот что скажу: не ты меня судил и не тебе судить. Ты пташка мелкая, выше облаков не летала, не знаешь, каким там воздухом, на вершинах-то, дышат, тебе и над лужайкой порхать приятно, дослужился до главного инженера — и ликуй. И помни, ты тоже вставал, когда его имя произносили. Все грешны, все...

Николай Федорович. Я вставал. Но я никогда не искал за этим вставанием выгоды.

Серегин. А мы с Илларионом искали? Николай Федорович. Илларион — нет. А вы — да. Вы вставали и всем своим существом кричали: смотрите, как я встаю! Дайте мне что-нибудь за то, что я так хорошо встаю!.. Во всем выгоду искали собственную. Сначала вы этой выгодой испоганили себя, а потом и других обманом или силой заставили поганиться.

Серегин. Ты давай обобщай — все, мол, коммунисты, все наши руководящие работники испоганились...

Николай Федорович. Вот-вот ваши классические приемчики в разговоре! Перевести стрелку и пустить мысль на другой путь. И как вам хочется себя под всех честных людей подравнять! За их широченную спину спрятаться!...

Серегин. Наслаждаясь. Это ты, значит, имеешь счастливую возможность на меня свой яд выливать за то, что в мои времена тебя не так чествовали?

Николай Федорович. Ну до чего же вы всех на свою мерку меряете! Не так чествовали! Не та должность была! Не тот пакет подавали! Не ту машину! Да я именно оттого и счастлив, что ваши времена прошли. И важнейшая теперь задача — не дать им в прежнем виде или в новых вариациях вернуться. Илларион, пойми, он пользуется твоей обидой и хочет увести те-

бя далеко, очень далеко! Когда ты опомнишься, тебе останется только покончить с собой. Лара, вот ты лучше сейчас вспомни свое бедняцкое происхождение.

Гриша. Дядя Лара, папа правду говорит. Новое время!.. Да!.. Оно пришло!.. Новые нормы жизни!.. Но их мало только объявить... Их надо укреплять, помогать им утверждаться... Главное последствие сидит в людях, внутри их еще сидит страх. А он порождает нечестность, корысть, обман. Чего только не сделаешь со страха — и улыбнешься и предашь! Сейчас идет битва за нового человека! Нового!

Серегин (*вдруг злобно*). Новые времена объявили! Погодите, его еще обратно понесут.

Гриша. Кого?

Серегин. Его.

Николай Федорович. Нести нечего. Там уже только прах.

Серегин. Фигурально.

Николай Федорович. Вот об этом вы и мечтаете!

Серегин. Да. И это будет! (*Пошел в запнулся за шнур, который протянул Иван.*)

Из-за стола выкатился микрофон.

Николай Федорович. Ну куда Иван свои игрушки сует!

Анна Ивановна. Да это он озорничает — сидит у себя и записывает наш разговор, я уверена. Помешался на своем магнитофоне.

Серегин. Записывали разговор?

Анна Ивановна. Наверно.

Серегин садится на стул и каменеет. Потом хватает микрофон в руки.

Серегин. (*в микрофон*). Вы, товарищи, не подумайте... Я... Мне...

Из кухни вновь входят Иван и Иринка, опять что-то поставили на стол. Иван увидел говорящего в микрофон Серегина.

Иван (*Серегину*). Он не включен. Погодите минутку, я сейчас включу. (*Побежал к себе в комнату*.)

Пауза.

(*Вернулся, говорит Серегину.*) Пожалуйста!

Пауза.

Гриша. Тени, своей собственной тени испугался!

Илларион Николаевич ставит чемодан на пол и отворачивается от Серегина.

Серегин (*Иллариону Николаевичу*). Я за билет двадцать семь рублей заплатил.

Николай Федорович (*ищет в кармане деньги, но не находит нужной суммы*). Аня, у тебя нет?

Анна Ивановна идет за сумочкой, которая лежит на стуле. В это время все присутствующие начинают искать в карманах деньги и, найдя их, протягивают Николаю Федоровичу. Даже Иван достает мелочь — сдачу после покупки розетки и удлинителя.

(Взял деньги, протягивает их Серегину). Получите.

Серегин берет деньги и молча уходит.

Ты извини меня, Ларка, что я тебя ругал. Мне тебя разозлить хотелось, боялся, что уйдешь. Не обижашься?

Илларион Николаевич. На обиженных богом не обижаются.

Мария Ивановна (*обняла мужа*). Ларочка, чистый ты мой.

Илларион Николаевич. Ну... будет... точно девица...

Мария Ивановна. Отметим приездто на кухне, а то тут молодежь будет — от них шуму, и не поговоришь.

Николай Федорович. Верно, Маня, накрывай на кухне. А у меня, Илларион, кубинский ром есть — привез на этот случай. А?

Илларион Николаевич. Как я теперь всем людям в глаза смотреть буду — ведь меня весь город знает.

Николай Федорович. Свойство, брат, русского человека — жалеть того, кто пострадал... Глядишь, через полгода скажут: «А Иллариона-то Егорова зря тогда сняли — хороший человек!» (*Обнял Иллариона Николаевича за плечи*.)

Ушли все, кроме Гриши и Валерьяна.

Валерьян. Пойду переночую у своих.

Пауза.

И все-таки я ни в чем не виноват. Если она не вернется, я весь уйду в работу, до дна, до маковки. Жаль, что ничего не понимаешь в технике, я бы тебе рассказал, какую штуку мы замышляем.

Гриша. Наверное, интересно.

Валерьян. Очень... Эх, до чего же мне нехорошо. Будь здоров! (*Протягивает Грише руку, прощаются*.)

Гриша. Будь здоров!

Валерьян пошел и вдруг припал к дверному косяку.

Что ты, Валерьян?

Валерьян. Обнаружились нервы. (*Ушел*.)

Вошла Иринка. Достает из серванта посуду, ставит на стол. Уронила чашку, разбила. В это время вошла Анна Ивановна.

Иринка. Анна Ивановна, я чашку разбила от сервиса.

Анна Ивановна (*смотрит на чашку, на Иринку*). О господи!

Иринка пожала плечами, не поняв смысла, и вышла.

Гриша, я звала Верочку ужинать, она не забыла?

Гриша. Мама, сейчас я себя чувствую бесстрашным. Это хорошо?

Анна Ивановна. Я, видимо, сильно постарела и многого опасаюсь.

Гриша. Я позову Верочку.

Анна Ивановна. Конечно.

Входит Верочка.

Верочка (*Анне Ивановне*). Иван передал, что вы меня звали.

Анна Ивановна. Иван? Да, давайте с нами ужинать.

Гриша. Ты сказала, что теперь знаешь, где твое, а где чужое... Эх, как бы мне хотелось, чтоб весь мир был для всех, и я — для всех, и эта комната — для всех, и эта лампа светила всем!..

Входят Иван из кухни и Иринка.

В этой комнате, как помнишь, бывало и у нас: сегодня сбор! Тридцать первое августа!.. Идем ужинать.

Гриша и Верочка ушли.

Иринка. Слушай, Понедельник, ты начал писать письмо?

Иван. Начал.

Иринка. И про это пишешь?

Иван. Нет. Передумал. Ты, знаешь, помоему, если человек кого полюбит, по-настоящему, конечно, так, как никто никогда в мире не любил, он этого никому-никому

не скажет. Ведь это тайна! Святыня!.. Ни одна душа не должна знать.

Иринка. Ну, а она-то как узнает?

Иван. Должна сама догадаться, если не дура.

Иринка. А если дура?

Иван. Ну, дурам, наверное, говорят. Я лучше ему напишу так: когда у нас влюбляются — точно сказать не могу, но, однако, влюбляются, да так, что ты и вообразить не можешь. Или просто: поменьше верь вашей пропаганде. Хе-хе-хе!

Иринка (*увидев в окно*). Наши идут! Все ли готово?

Иван. Все! Главное — готово настроение!

Иринка. Побегу встречу. (*Убежала*.)

Иван (*побежал к себе в комнату, снова выбежал. Залез под стол. В микрофон*). Алло! Алло! Начинаем запись! Сейчас появится вся наша шайка, которая будет говорить всякие глупости, клясться и обещать! Милый мой магнитофон, запомни нас такими, какие мы есть. Авось со временем мы будем лучше и что-нибудь сделаем для человечества. Авось!

Шум в прихожей. Иван прячет магнитофон под стол. Из прихожей доносятся смех, голоса девушек и ребят. Иван высовывает из-под стола свое сияющее лицо.

Конец

Главный редактор Вл. ПИМЕНОВ

Редакционная коллегия: О. ДЗЮБИНСКАЯ, М. КНЕБЕЛЬ, Н. КРЫМОВА
П. МАРКОВ, Б. РОСТОЦКИЙ, Ю. РЫБАКОВ (зам. главного редактора),
А. СОФРОНОВ, Г. ТОВСТОНОГОВ, Е. ХОЛОДОВ, А. ШТЕЙН

Адрес редакции: Кузнецкий мост, 9/10. Телефоны: К 4-93-93, Б 1-11-63.

Художественный редактор В. Федоров

Технический редактор М. Коробова

Рукописи не возвращаются.

Сдано в производство 2/XI—1962 г. А 11610 Подписано к печати 21/XII—1962 г.
Объем 12 п. л. Формат 84×108^{1/16}
Уч.-изд. л. 20,77 Тираж 21 500 экз. Цена 1 руб. Зак. 760

Московская типография № 4 Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза, Москва, ул. Баумана, Дениссаевский пер., д. 30.